

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ ДВОЕ ИЗ ЕЛЬЦА. (НЕ) МОЙ МУЖ.

ДВОЕ ИЗ ЕЛЬЦА. (НЕ) МОЙ МУЖ.

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

Ирэн Весёлая

Двое из Ельца. (Не) мой муж.

<https://litres.ru/74469202>

Аннотация

— Демьян, что делает моя подруга в нашей постели? — мой голос дрожит, но внутри только выжженная пустыня. — Олеся, не делай драму. Это просто стресс перед юбилеем, — муж поправляет кашемировое пальто, даже не глядя на меня. — Встречу брата из аэропорта, и поговорим. Если я захочу.

Я собиралась подать на развод в день нашей фарфоровой свадьбы. Двадцать лет брака рассыпались в пыль, когда я увидела мужа в объятиях лучшей подруги. Но судьба распорядилась иначе: страшная авария на ночной трассе разделила жизнь на «до» и «после».

Один из братьев-близнецов погиб. Второй — вернулся в мой дом. У него лицо моего мужа, его документы и его обручальное кольцо. Но почему его глаза смотрят на меня с такой нежностью, которой я не видела годами? Почему наш десятилетний сын, которого Демьян едва замечал, теперь не отходит от «отца» ни на шаг?

Я знаю, что в моей спальне спит чужой человек. Самозванец. Тот, кто двадцать лет назад исчез из нашей жизни, оставив лишь тайны. Но что делать, если этот «чужой» муж мне дороже, чем тот,

которого я знала всю жизнь? И какая правда скрыта в документах из клиники ЭКО десятилетней давности?

В тексте вас ждут: Герой — настоящий мужчина. Северный мостостроитель, суровый снаружи, но надежный и любящий внутри. Драматичная измена. Предательство подруги и мужа, которое станет началом новой жизни. Тайна крови. Сын, который удивительно похож на того, кто выжил. ♠♣# Противостояние характеров. Когда интуиция женщины сильнее любых улик. Атмосфера Ельца и Москвы. Столичный лоск против честности провинции. ✓ Хэппи-энд гарантирован. Справедливость восторжествует, а любовь получит второй шанс.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Демьян)	20
Глава 3(Данила)	34
Глава 4	47
Глава 5(Данила)	60
Глава 6	75
Глава 7(Данила)	89
Глава 8	103
Глава 9	117
Глава 10	130
Глава 11	145
Глава 12	155
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Глава 1

В моей мастерской, расположенной в правом крыле нашего большого подмосковного

дома, всегда пахло одинаково: сухим деревом, дорогим лаком, пчелиным воском и

едва уловимой, сухой горечью столярного клея. Это был мой собственный мир.

Островок живой, осязаемой реальности посреди стерильного великолепия из

стекла, полированного бетона и холодного мрамора, в которое Демьян превратил

нашу усадьбу. Здесь, среди обрезков багета, палитр и старинных окладов, мне не

нужно было соответствовать статусу «жены великого Самойлова». Здесь я была

просто Олесе́й — женщиной, которая умеет возвращать вещам их первозданную

душу.

Я пришла сюда рано, около восьми часов утра. Девятое апреля выдалось пасмурным,

капризным, как это часто бывает в Подмоскowie. По стеклам мастерской лениво

ползли капли холодного дождя, переходящего в редкую, колючую крупу.

Работа над сложным заказом — реставрацией старинной рамы для иконы Покрова —

обычно требовала от меня абсолютной концентрации. Но сегодня тонкий

нож-мастихин то и дело соскальзывал с дерева. Под ребрами ныло какое-то

глухое, липкое предчувствие. Я пыталась списать его на обычную суету: до нашей

фарфоровой свадьбы оставалось всего три дня. Двенадцатого апреля мы должны были

отметить двадцатилетие брака. Демьян настоял на пыш-

ном приеме. Пригласил

партнеров по девелоперской группе, судей, чиновников
— всю ту столичную

элиту, перед которой он так любил демонстрировать свой
безупречный фасад.

Я провела ладонью по дубовой планке. Рассохшееся дере-
во под моими пальцами

казалось теплым. «Двадцать лет», — подумала я, глядя на
свое отражение в

пыльном стекле шкафа. — «Двадцать лет реставрации чу-
жих картин. И полной

разрухи в собственной душе».

В одиннадцать часов я отложила инструменты и сняла
холщовый фартук, испачканный

патиной. Нужно было возвращаться в дом. Сегодня из
Ельца прилетал Данила,

брат-близнец Демьяна, которого я никогда не видела вжи-
вую — только на

старых, выцветших фотографиях, которые Демьян хранил на дне ящика. Демьян

ехал встречать его в аэропорт Шереметьево. Он заметно нервничал из-за этого

визита, постоянно проверял телефон и раздражался по любому поводу. Кроме

того, служба доставки должна была привезти коллекционный лиможский фарфор,

заказанный мной специально для банкета. Я должна была сама его принять и

расставить.

Я прошла по длинной застекленной галерее, соединяющей правое крыло с основным

зданием. Дом встретил меня непривычной, звенящей пустотой. Обычно в это время

здесь шуршала пылесосом Галина Петровна, но сегодня я отпустила её пораньше,

чтобы она успела навестить приболевшую внучку.

На кухонном острове из темного полированного гранита лежал телефон Демьяна. Это

было странно. Муж никогда не расставался со своими гаджетами, словно они были

продолжением его холеных рук. Видимо, забыл в спешке, когда поднимался в

спальню переодеться перед поездкой.

Я подошла, чтобы просто забрать его и отнести мужу, когда экран смартфона под моими руками

внезапно вспыхнул.

Уведомление от «Артура. Юрфак».

Я не была из тех жен, что шпионят. За двадцать лет брака я ни разу не залезла в

его почту или личные переписки. Доверие было частью моей «витрины». Но имя

Артур показалось мне странным — Демьян редко общался с сокурсниками, считая

большинство из них неудачниками.

Под именем всплыла строчка текста: «Дёмочка, ты уже

выехал? Сгораю...»

И маленькая иконка прикрепленной фотографии.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё начинает медленно каменеть. Сердце сделало

глухой, тяжелый удар и застряло где-то в горле. Мои пальцы сами потянулись к

экрану. Я набрала пароль — 1204. Наша дата. Двенадцатое апреля. Демьян никогда

не менял его, считая меня слишком предсказуемой и послушной, чтобы решиться на

проверку.

Экран разблокировался, открывая чат в Телеграме.

На фото была Лера. Моя Лера. Подруга со времен института, свидетельница на нашей

свадьбе, человек, с которым я вчера три часа обсуждала меню праздника и цвет

скатертей. Она стояла перед зеркалом в одном нижнем белье — том самом

кружевном комплекте, который мы вместе выбирали ей в

ГУМе «для поднятия

настроения».

Я пролистнула чат вверх. Строчки букв расплывались перед глазами, превращаясь в

грязные, жирные пятна.

«Дёмочка, она так смешно суетится с этим своим фарфором. Если бы ты знал, как

трудно было не рассмеяться ей в лицо».

«Потерпи, котенок. Еще немного, и этот фарфоровый цирк закончится. Я оформлю

развод так, что она сама будет просить о соглашении на моих условиях.

Мастерская её прокормит, а дом, счета и Макар останутся мне. Я найму

лучших адвокатов из своей конторы, она уйдет в чем пришла».

«Люблю тебя. Жду в нашей квартире перед твоим аэропортом. Помни, ты едешь

встречать "клиента"».

Я смотрела на экран, и в ушах у меня поднялся тонкий, сверлящий гул. «Смешно

суется». «Этот цирк». Двадцать лет моей жизни только что были названы

цирком человеком, которому я отдала всё: свою карьеру искусствоведа, свое

время, свое здоровье, когда мы годами пытались зачать ребенка.

В этот момент сверху, из нашей спальни на втором этаже, донесся смех. Тихий,

грудной, до боли знакомый. Этот смех принадлежал Лере. Она не была в своей квартире. Она была здесь. В моем доме. В моей спальне.

Я поднималась по лестнице медленно, шаг за шагом, словно мои ноги налились

свинцом. Ковролин скрадывал звуки, но мне казалось, что каждый мой вдох

отдается грохотом. Дверь спальни была приоткрыта. Со всем немного. Ровно

настолько, чтобы я могла разглядеть то, что навсегда выжгло мою душу.

Они были на нашей кровати. На тех самых простынях из египетского хлопка, которые

я выбирала с такой любовью к деталям. Демьян, мой безупречный, холеный муж, и

Лера.

— Дёмочка, ну когда? — Лера потянулась, словно сытая кошка, не скрывая своего

нагого торжества. — После этого дурацкого юбилея двенадцатого числа? Ты

обещал.

— Потерпи, — голос Демьяна, обычно стальной и уверенный, сейчас был непривычно

хриплым. — Мне нужно закрыть сделку с девелоперами. Если сейчас начнется

бракоразводный процесс, они могут соскочить. Банки не любят нестабильных

партнеров.

— А Олеся? Она же ничего не подозревает? Она такая... прозрачная. Глупая багетная

фея.

Я толкнула дверь. Она открылась с тихим, издевательским скрипом.

Лера вскрикнула, натягивая на себя простыню. Демьян замер. Его лицо, обычно

маскообразное, на секунду исказилось гримасой испуга, которая тут же

сменилась ледяной яростью.

— Олеся? — он даже не попытался прикрыться. Просто сел, демонстрируя свою

безупречную форму. — Ты почему не в мастерской?

Этот вопрос — холодный, будничныи, лишенный всякого раскаяния — ударил меня

сильнее, чем сама измена.

— В мастерской? — я рассмеялась. Горько, до хрипа. — Чтобы вам было удобнее

обсуждать, как я пойду по миру в чем пришла? Как ты там сказал, Демьян?

«Оформишь всё так, что я сама буду просить о разводе»?
Я смотрела на него и не узнавала. Мой муж. Человек, ради которого я отказалась

от всего. Человек, которому я колола гормоны, чтобы родить Макара, когда врачи

разводили руками.
— Заткнись, Лера. Просто закрой рот и вон из моего дома. Сейчас же, — я даже не

посмотрела в её сторону.
— Олеська, это не то, что ты думаешь... — начала Лера, но Демьян перебил её

жестким взмахом руки.
— Оденься и выйди, — бросил он ей, а затем снова перевел взгляд на меня. — Ты

ведешь себя непрофессионально, Олеся. Не устраивай сцен.

— Непрофессионально? — я шагнула в комнату, сжимая кулаки так, что ногти

вонзились в ладони. — Ты спишь с моей подругой в нашей

постели за три

дня до двадцатилетия свадьбы и говоришь о профессионализме?

— Мы поговорим, когда я вернусь, — он встал, накидывая халат. — У меня самолет

через два часа. Прилетает Данила. Я должен его встретить.

— Твой брат подождет. Мы поговорим сейчас.

— Нет, не сейчас, — он схватил меня за локоть, и я увидела в его глазах такую

бездну холода, что мне стало по-настоящему страшно. — Макар в школе, вот и

занимайся домом. И не смей ничего ему говорить. Если ты испортишь мне юбилей

или начнешь качать права — ты пожалеешь. Я юрист, Олеся. Я уничтожу тебя в суде

за один день. Ты останешься без копейки и без сына. Ты меня поняла?

Он выплюнул эти слова мне в лицо. Он не просил прощения. Он не оправдывался. Он

угрожал.

— Я всё поняла, Демьян. Ты — чудовище.

Лера торопливо проскользнула мимо меня, пряча глаза, но я чувствовала её

ядовитое, змеиное удовлетворение. Она победила. Ей казалось, что она

забрала мою жизнь. Она не знала, что забирает лишь красивую, но пустую раму.

Когда входная дверь внизу захлопнулась, Демьян начал судорожно собирать вещи. Он

опаздывал. Он всегда ненавидел опаздывать, считая это слабостью.

— Я уехал, — бросил он через плечо, уже натягивая кашемировое пальто. — Помни,

что я сказал. Веди себя прилично. Юбилей состоится. Двенадцатого апреля мы

улыбаемся гостям. А потом я решу, что с тобой делать.

Он ушел, обдав меня запахом своего дорогого парфюма. Тот самый аромат, который я

когда-то выбрала для него на наш первый совместный праздник. Теперь он казался

мне запахом тления.

Я медленно спустилась на кухню. Там, на гранитном столе, стояли коробки с

лиможским фарфором, который привезли, пока мы были наверху. Те самые

чашки, которые должны были стать символом нашего двадцатилетнего

долголетия.

Я открыла коробку, вытащила одну. Белоснежная, легкая, с изящной золотой цифрой

«20».

Я медленно сжала кулак. Фарфор хрустнул под пальцами с резким, сухим звуком.

Острый осколок мгновенно распорол кожу на ладони, и я с удивлением смотрела,

как яркая, горячая кровь капает на белоснежное блюдце, пачкая золото.

— Ты хочешь праздник, Демьян? Ты его получишь, —
прошептала я в пустоту

огромного, холодного дома.

Сегодня девятое апреля. Начало конца.

Я еще не знала, что мой муж никогда не вернется из этого
аэропорта. Что через

несколько часов человек с его лицом попадет в аварию,
которая навсегда

изменит мою жизнь.

Я начала собирать осколки. Тщательно. Один за другим.
Кровь на салфетке быстро

темнела, становясь коричневой.

Двадцать лет я была идеальной рамой для его портрета.
Но рама сломалась. И я

больше не собиралась ничего чинить. Я собиралась вы-
строить свою жизнь

заново. По своим собственным чертежам.

Глава 2(Демьян)

Пальцы до белизны сжали кожаную оплётку руля. Я вдавил педаль газа в пол, и мой «Рендж Ровер» взревел, подрыываясь с места. В зеркале заднего вида стремительно уменьшались ворота моего особняка. Черт бы побрал эту бабу. Черт бы побрал этот день.

В салоне всё еще стоял запах Леры — тяжелый, сладкий, мускусный. Он смешивался с моим парфюмом, создавая душный коктейль, от которого хотелось высунуться в окно и сплюнуть на асфальт. Я не чувствовал вины. Вина — это роскошь для неудачников, у которых нет денег на адвокатов. Я чувствовал ярость.

«Ты почему не в мастерской?» — мой собственный вопрос всё еще звенел в ушах.

Она должна была быть там. С восьми утра до шести вечера Олеся обычно пропадала среди своих багетов, рам и клея. Это был идеальный механизм, работавший годами. Я оплачивал её счета, она обеспечивала мне тишину и безупречный фасад. Сбой системы произошел там, где я его не ждал.

Я мельком взглянул на свои часы. Машинально поправил манжет. Перед глазами стояло лицо Олеси в дверях спальни. Она не кричала, не швырялась вещами, не выла. Она просто смотрела. И этот её взгляд — пустой, прозрачный, как у битой куклы — раздражал меня больше всего. Она посмела

испортить мне утро. Она посмела увидеть то, что предназначалось не для её глаз.

— Дура, — выдохнул я, обходя по обочине медлительный грузовик. — Какая же дура.

Лера тоже хороша. «Дёмочка, ну когда?» — передразнил я её мысли. Кошка. Почуяла близость победы и потеряла бдительность. Не заперла дверь, расслабилась. Женщины — это всегда хаос. Даже самые проверенные из них рано или поздно начинают давать сбои.

Я включил обдув на максимум. Холодный воздух ударил в лицо, но не помог.

Девятое апреля. Через три дня — двенадцатое. Наш юбилей. Мой триумф. Фарфоровая свадьба, на которую приглашены люди, чье мнение стоит миллионы долларов. Судьи, чиновники, девелоперы. Они придут посмотреть на «золотую пару» Самойловых. Им нужна картинка стабильности. В нашем кругу развод — это не просто семейная драма, это финансовая диверсия. Банки мгновенно пересматривают условия кредитования, если видят, что у партнера «горит» тыл.

Я не позволю ей всё разрушить. Только не сейчас.

«Я уничтожу тебя в суде за один день», — я вспомнил свои слова, брошенные ей в лицо. Это не была пустая угроза. Я уже прикидывал в уме, на какие счета перевести остатки кэша и какие пункты брачного контракта активировать, чтобы оставить её с одной лишь багетной мастерской. Но Ма-

кар... Макар был единственным слабым звеном в этой схеме. Мой наследник. Мой «проект».

Я снова вспомнил её глаза. В них не было страха. Это пугало. Обычно Олеся гнулась, как ива под ветром, но сегодня она словно остекленела.

«Надо будет вечером её прижать, — решил я, резко перестраиваясь в левый ряд. — Припугнуть посильнее. Сказать, что Макара она больше не увидит, если хоть одна живая душа узнает о Лере до подписания актов.

На приборной панели вспыхнуло имя. Лера.

Я нажал кнопку на руле. Голос любовницы заполнил салон, перекрывая мягкое

шуршание шин.

— Демьян, ты где? Я уже заказала нам столик в «Облаках» на вечер. Ты ведь

помнишь, что обещал?

Я поморщился. Лера была как дорогой спортивный автомобиль: быстрая, яркая, но

требующая слишком много техобслуживания и внимания. В последнее время её

стало «много».

— Лера, я еду в аэропорт. Я же говорил, брат прилетает.

— Твой брат — инженер из тундры? — в её голосе про-
резались капризные нотки. —

Дёма, ну зачем он тебе сдался? Пусть возьмет такси, по-
сели его в какой-нибудь

«гостинице у вокзала». Мы только расстались, но я уже
сучаю.

— Это мой брат, Лер. Мы не виделись двадцать лет. Мне
нужно его встретить, — я

говорил спокойно, тоном, которым обычно объяснял про-
писные истины стажерам в

конторе. — Поселю его в «Мариотте» на Тверской, дам
денег на прогулки, и он не

будет нам мешать. Наоборот, Данила — это мое идеальное
алиби. Пока я буду

«показывать брату Москву», мы проведем время у тебя.
— Теперь, когда твоя жена все узнала, я надеюсь, ты раз-
ведешься?

Я вздохнул, перестраиваясь в левый ряд и подрезая ка-
кую-то серую «Мазду».

Ненавижу, когда аксессуары начинают подавать голос.

— Мы это обсудим позже. Сейчас не время. У меня сделка с девелоперами на стадии

подписания. Любой скандал, раздел имущества — и банк может отозвать

гарантии. Потерпи. Ты же умная девочка.

— Я умная. Но я не хочу быть «вторым номером» вечно, Самойлов. Ты же знаешь,

Исаев тоже не железный, он начинает что-то подозревать. Если ты не решишь

вопрос с Олесей, я...

— Ты ничего не сделаешь, — отрезал я, и мой голос стал на октаву ниже. — Ты

получишь всё, что я обещал, но только когда я решу. Всё, я подъезжаю к

терминалу. Наберу позже.

Я сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Раздражение кольнуло под ребрами. Лера

начала переходить границы. Она думала, что раз я делю с

ней постель, то делю

и власть. Глупо. В этом мире есть только один человек, принимающий решения, и

это я.

Я вспомнил Данилу. Мой близнец. Моя тень из прошлого. Мы вышли из одной нищей

елецкой хрущевки, ели одну пустую кашу, но на этом наше сходство

заканчивалось. Данила всегда был «правильным». Совесть, честность,

инженерный факультет, мосты... Тьфу. Кому нужны твои мосты, если ты строишь их в

вечной мерзлоте за зарплату, на которую я даже колесо для этой машины не куплю?

Двадцать лет назад Данила отказался «играть по правилам» Москвы. Сказал, что я

продал душу, когда пошел в корпоративные юристы и начал «решать вопросы». Ну и

где его душа теперь? Мерзнет в Ямало-Ненецком округе?
А моя — здесь, в тепле, в

шелках и в праве сильного.

Я усмехнулся, вспоминая Данилу. Он всегда был медленным, тяжелым, слишком

серьезным. «Медведь из Ельца». Интересно, узнает ли он меня? Хотя чего

там узнавать — лица-то одинаковые. Только мое — холерное, знающее цену каждой

морщинке, а его, небось, иссечено северным ветром.

В небе над Химками сгущались тучи. Апрель в Москве — это всегда лотерея. Утром

светило солнце, а сейчас небо стало свинцовым, как сталь. По лобовому стеклу

ударили первые тяжелые капли, которые тут же превратились в мокрый, липкий

снег. Типично.

Я свернул на парковку Шереметьево-D. Мысли переключились на Макара. Сын был

единственным моим «проектом», который вызывал у меня смешанные чувства. Он

был слишком тихим. Слишком... Данилиным. Та же усидчивость, то же нежелание идти

на конфликт, те же тонкие пальцы.

Я вспомнил тот день в клинике ЭКО десять лет назад.

Приговор врачей был сухим: «Астенозооспермия в тяжелой форме. Шансы на

естественное зачатие или успех с вашим материалом — меньше одного

процента».

Для другого мужчины это стало бы концом света. Для меня — это стало задачей.

Самойлов не может быть бесплодным. Самойлов должен оставить наследника.

Олеся тогда была на грани истерики, она так хотела ребенка, что была готова

на всё. И я дал ей это «всё».

В базе клиники тогда как раз оказался «материал» из старых запасов. Когда мы

только приехали в Москву на первом курсе, Данила, по моей просьбе — нам

тогда жутко не хватало денег на общагу и учебники — сдал биоматериал вместе

со мной. Мы тогда еще смеялись: «Заработаем на генетике».

Я просто «исправил» ошибку природы. Данила всё равно никогда бы не узнал. Он

там, на Севере, мосты строит, а здесь растет его... нет, мой сын. Мой по

документам, по закону, по праву того, кто смог его обеспечить. Макар —

это моя победа над биологией. Сильный берет то, что слабому не пригодится.

Данила даже не планировал детей, он жил своей работой. А я дал этой жизни

шанс. И статус.

Машина мягко затормозила у входа. Снег повалил сплошной стеной, засыпая капот. Я

потянулся к телефону, чтобы проверить время прилета, и увидел уведомление.

Незнакомый номер. Короткое сообщение.

Я открыл его, ожидая спам или очередное предложение по инвестициям.

«Я знаю, чью кровь ты носишь в кармане. Макар — копия того, кого ты считаешь

ником. Генетика — упрямая вещь, Самойлов. Скоро все узнают, что твой

«наследник» — это просто краденая жизнь».

Дыхание перехватило. В салоне вдруг стало невыносимо душно, несмотря на работу

кондиционера. Сердце ударило в ребра — тяжело, болезненно.

Кто?

Пальцы впились в кожаную обивку руля. Тайну ЭКО знала только врач в клинике, но

она получила такие деньги, что должна была забыть мое

имя навсегда. Прошло

десять лет! Почему сейчас?

Я снова перечитал текст. «Копия того, кого ты считаешь никем». Данила.

Холодный пот прошиб спину под дорогой рубашкой. Это сообщение не могло прийти

просто так именно в день прилета брата. Неужели Данила узнал? Неужели он всё

это время знал и ждал момента, чтобы ударить? Или это Лера? Нет, Лера не знает

подробностей, она тогда еще даже не была в поле моего зрения.

Я почувствовал, как внутри закипает ярость, смешанная с липким, животным

страхом. Все, что я строил — мой статус, мой дом, мое величие — держалось

на этом фундаменте. Если правда выплывет наружу, если Олеся узнает... Хотя черт с

ней, с Олесей. Если об этом узнают в конторе, среди парт-

неров — я стану

посмешищем. «Великий Самойлов не смог сделать ребенка сам». Это конец

карьеры.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. На меня смотрело мое лицо. Спокойное,

маскообразное. Я — юрист. Я — боец. Я найду, кто это написал, и сотру его

в порошок.

Возможно, Данила прилетел не просто так. Возможно, мой «добрый брат-инженер»

решил, что пришло время потребовать свою долю.

— Ну что ж, братец, — прошептал я, глядя сквозь заснеженное стекло на двери

терминала. — Посмотрим, чего ты стоишь на самом деле.

Я вышел из машины. Резкий порыв ветра со снегом ударил в лицо, заставляя

зажмуриться. Весна в Москве сильно запаздывала. Снег таял

на моих туфлях из кожи аллигатора, превращаясь в грязную кашу.

Я шел к терминалу, и каждый мой шаг отдавался в голове пульсирующей болью.

«Краденая жизнь».

Ничего. Я — Самойлов. Я всегда выигрывал. И в этот раз я тоже не проиграю. Даже

если мне придется похоронить эту правду вместе с тем, кто посмел мне угрожать.

В залах аэропорта было шумно и душно. Я остановился у табло. Рейс из Салехарда

приземлился десять минут назад.

Где-то там, среди толпы пассажиров, шел человек с моим лицом. Человек, чью жизнь

я, по сути, приватизировал десять лет назад.

Я сжал кулаки в карманах пальто. План на вечер изменился. Лера подождет. Нам с

братом предстоит очень долгий и очень честный разговор. Или не очень честный —

это уж как пойдет.

Я юрист. Я умею договариваться. А если не получается договориться — я умею

уничтожать.

Телефон снова вибрировал. Снова Лера. Я заблокировал номер. Сейчас мне было не

до её капризов.

Из зоны прилета начали выходить первые пассажиры. Я выпрямил спину, надевая свою

привычную маску уверенности и превосходства.

«Право сильного», — напомнил я себе. Это единственное право, которое имеет

значение в этом городе. И я собирался доказать это Даниле в очередной раз.

Снег за окнами терминала валил всё сильнее, скрывая взлетные полосы и огни

большого города. Москва готовилась к буре. И я, кажется, тоже.

Глава 3(Данила)

(от лица Данилы)

Москва встретила меня запахом, к которому я отвык за двадцать лет: смесью

дорогого парфюма, авиационного керосина и чего-то едкого, химического,

чем здесь посыпали дороги. В Салехарде воздух был острым, как бритва,

прозрачным и честным. Здесь он казался липким.

Я стоял у выхода из зоны прилета, перекинув через плечо старую брезентовую

сумку, и чувствовал себя экспонатом в музее будущего. Мимо проплывали люди

в тонких кашемировых пальто, женщины с идеальными лицами и маленькими

собачками, мужчины, приросшие к своим смартфонам. Я же в своей потертой

штормовке и тяжелых ботинках выглядел как древний ма-
монт, случайно забревший в

храм из стекла и неона.

В витрине магазина беспощинной торговли я мельком
увидел свое отражение и на

секунду замер. На меня смотрел человек с лицом, которое
я привык видеть в

зеркале каждое утро, но обветренным, с глубокими мор-
щинами-лучиками у глаз и

седой прядью, выбивающейся из-под шапки. А через
мгновение в толпе я увидел

второе такое же лицо.

Демьян.

Он не шел — он разрезал пространство. Холеный, без-
упречный, в темно-синем кошемировом пальто,

которое, наверное, стоило как мой годовой оклад. Его ли-
цо было

моим зеркальным двойником, но только без «северного
налета». Это было лицо

человека, который привык отдавать приказы и не привык слышать «нет».

Он остановился в двух шагах. Не улыбнулся — просто продемонстрировал зубы,

сверкнув идеальной виниловой белизной.

— Здорово, Даня. Не прошло и двадцати лет.

Он протянул руку. Его ладонь была мягкой, ухоженной, но рукопожатие оказалось

коротким и холодным, как удар юридическим молотком.

— Привет, Дём, — я попытался улыбнуться, но губы словно задеревенели. — Спасибо,

что встретил.

Брат окинул меня взглядом. От его брезгливости можно было бы замерзнуть, если бы

я не прожил полжизни за полярным кругом.

— Ты бы еще валенки надел, — он поморщился, указывая на мою сумку. — Ладно,

идем. Машина на парковке. Нам еще до дома пилить, а пробки в Москве — это

тебе не олени на трассе.

Мы шли к выходу, и я едва поспевал за его резким, нервным шагом. Демьян

постоянно дергался, проверял телефон, что-то быстро печатал. Он казался

взвинченным до предела, словно внутри него тикал часовой механизм.

— Погода — дрянь, — бросил он, когда мы вышли на улицу. — С утра было солнце, а

сейчас... смотри.

Небо над Шереметьево налилось свинцовой тяжестью. Резкий порыв ветра бросил в

лицо пригоршню ледяной крупы. Апрель в Москве решил поиграть в зиму.

Его «Рендж Ровер» ждал на стоянке. Огромный, черный, блестящий, он напоминал

бронекапсулу. Внутри пахло кожей и каким-то очень дорогим освежителем. Я сел

на пассажирское сиденье и почувствовал, как буквально проваливаюсь в мягкое

кресло.

— Ну, рассказывай, мостостроитель, — Демьян резко вывернул руль, выезжая с

парковки. — Всё так же бетон в мерзлоту заливаешь? Не надоело? Я тебе

десять лет назад говорил: переезжай. Место в конторе нашёл бы, сидел бы в

тепле, бумаги перекладывал.

— Каждому свое, Дём, — я смотрел в окно на мелькающие огни. — Мне мосты строить

интереснее, чем чужие долги пересчитывать.

— Интереснее, — он хмыкнул, подрезая какое-то такси. — «Интересно» в карман не

положишь. Посмотри на меня. У меня дом в триста квадратных, лучшая практика в

городе, связи... Олеся дом в порядок привела, юбилей вот через три дня.

Фарфоровая свадьба, понимаешь? Ты её на фото видел.

Красивая, да?

Я вспомнил ту фотографию, которую он присылал года три назад. Светлая женщина с

тихой улыбкой и немного грустными глазами. Она казалась настоящей среди всей

этой столичной фальши.

— Красивая, — подтвердил я. — Как она?

— Как-то, — Демьян вдруг сорвался на раздраженный тон. — Как все бабы. Тратит

деньги на хлам, возится в своей мастерской, рамки какие-то багетные клеит.

Тыл, понимаешь? Она — мой фасад. Идеальный фасад идеальной жизни. Хотя в

последнее время... — он осекся.

Телефон в подстаканнике вибрировал, не переставая. Каждое уведомление заставляло

Демьяна дергаться. Он вел машину агрессивно, постоянно прибавляя газ там, где

нужно было притормозить.

— Ты в порядке? — спросил я, видя, как побелели его пальцы на руле.

— В полном! — рявкнул он и тут же сбавил тон. — Просто дел много. Клиенты,

суды... И Лера эта еще...

— Кто?

— Неважно, — он отмахнулся. — Слушай, Даня, я тебя в «Мариотте» на Тверской

поселю. Там всё оплачено. Завтра приеду, пообедаем. А сегодня у меня...

дела. Очень важный клиент.

Я промолчал. Было очевидно, что «важный клиент» — это не про юриспруденцию. Мне

стало жаль Олесю. Она ждала его дома, готовила этот свой фарфоровый юбилей, а

он метался в этой капсуле из кожи и гордыни, не зная, как утихомирить своих

демонов.

Снег повалил сплошной стеной. За окном исчезли дома, остались только красные

огни стоп-сигналов впереди и белое безумие. Трасса превратилась в каток.

— Демьян, сбрось скорость, — тихо сказал я. — Мы никуда не торопимся.

— Я тороплюсь! — он ударил по рулю ладонью. — Вся жизнь — гонка, Даня! Если я

остановлюсь, меня сожрут!

Очередное сообщение заставило его буквально подпрыгнуть. Он схватил телефон,

вчитываясь в экран, и в этот момент машину повело. Тяжелый внедорожник

вильнул, задевая бровку. Демьян вскрикнул, крутанул руль в обратную

сторону. Нас едва не вынесло под колеса идущей параллельно фуры. Рев

гудка заполнил салон.

— Тормози! — крикнул я, перехватывая руль. — Справа заправка, сворачивай!

Он затормозил так резко, что нас обоих бросило на ремни. Машина, дергаясь,

вползла на территорию АЗС и замерла под навесом. Демьян тяжело дышал, его

лицо было землистого цвета.

— Выходи, — сказал я, отстегивая ремень.

— Что?

— Выходи. Я сяду за руль. Ты в таком состоянии и километра не проедешь. У тебя

руки ходуном ходят.

Мы вышли на улицу. Ледяной ветер тут же забрался под одежду. Демьян стоял,

прислонившись к капоту, его трясло — не то от холода, не то от нервного

срыва. На нем было легкое кашемировое пальто, совершенно не подходящее для

такой погоды.

— Посмотри на себя, — он вдруг зло засмеялся, глядя на мою штормовку. —

Мостостроитель... Ты посмотри на свою куртку. Вся в грязи, воняет

соляркой. Как я тебя в дом в таком виде введу? Что Олеся скажет? Что

прислуга подумает?

— Демьян, ты бредишь, — я подошел к нему. — Какая разница, во что я одет? Давай

ключи.

— Нет разницы? — он вдруг начал сдирать с себя пальто. — Снимай это свое тряпье! Снимай, я сказал!

Он буквально всучил мне свое пальто — мягкое, пахнущее его парфюмом и успехом.

— Надень. Хоть на человека станешь похож. А свою дрянь выкинь в мусорку. В моем

«Рендж Ровере» не место этой нищете.

Я вздохнул. Спорить с ним сейчас было бесполезно. Я снял штормовку, оставшись в

одном свитере на ледяном ветру, и надел его кашемир. Он был мне впору — мы ведь

всё еще были одного размера. В кармане что-то тяжело звякнуло и завибрировало.

Паспорт, бумажник, телефон. Весь его мир, упакованный в кожу и микросхемы.

— Садись в машину, — я подтолкнул его к пассажирскому сиденью, кинув свою куртку ему на руки.

Демьян подчинился. Он казался опустошенным. Когда я сел за руль и настроил под

себя зеркала, он уже откинул голову на подголовник и закрыл глаза. Его лицо в

полумраке салона казалось маской.

— Знаешь, Даня... — его голос прозвучал тихо, с какой-то ядовитой горечью. — Ты

ведь всегда мне завидовал. В детстве, в институте... Ты всегда хотел мою жизнь.

Хотел быть на моем месте.

— Я никогда этого не хотел, Дём.

Он не слушал.

— Ты думаешь, это легко? Быть мной? Держать всё это... — он обвел рукой салон. —

Ты хотел мою жизнь? Хотел?

Он открыл глаза и посмотрел на меня. В его взгляде была такая безнадежность, что

мне стало по-настоящему страшно.

— На, Даня... — прошептал он. — Подавись.

Я нажал на газ. Машина плавно выехала с заправки обратно на трассу. Снег валил

еще сильнее, видимость упала до десяти метров. Я сосредоточился на дороге,

чувствуя, как под кашемировой тканью, в районе сердца, вибрирует его

телефон.

Мы ехали молча. Минут десять, не больше. Я едва видел габариты идущей впереди

машины. И тут мир внезапно взорвался.

Справа, из пелены снега, вылетело что-то огромное. Вспышка дальнего света

ослепила меня. Резкий удар в бок. Скрежет металла, звук разбивающегося

стекла. Нас закрутило.

Последнее, что я помню — это лицо Демьяна. Он не кричал. Он просто смотрел на

меня, и в его глазах было странное, страшное спокойствие.

А потом наступила тьма, пахнувшая гарью и снегом.

Глава 4

Чемодан на кровати выглядел как открытая пасть, жадно глотающая мою прошлую

жизнь. Вешалки с шелковыми платьями летели внутрь вперемешку с бельем и

какими-то случайными вещами. Я не выбирала, не подбирала цвета. Я просто

хотела стереть себя из этого дома, пахнущего кашемиром, полированным камнем

и ложью.

Внизу, в кухне, так и остались стоять коробки с фарфором. Те самые блюда с

золотой цифрой «20», залитые моей кровью. Я не стала их мыть. Пусть Демьян

увидит их такими — разбитыми и испачканными, когда вернется от своего «важного

клиента».

Девятое апреля заканчивалось ледяным дождем, который бился в панорамное окно

спальни. В Подмоскovie снова вернулась зима, словно природа решила

поддержать тот холод, что воцарился у меня в груди. Макар спал за стенкой. Я уже заходила к нему, постояла в дверях, глядя на его

худые плечи под одеялом. Сын. Единственное, что удерживало меня от того,

чтобы просто выйти в ночь в одной пижаме. Я должна была подготовить для

него путь. Завтра, когда он уйдет в школу, я вывезу оставшиеся вещи и больше

не вернусь.

Телефон, лежавший на тумбочке, завибрировал. Звук был коротким и резким, как

удар тока. Я замерла, глядя на экран. Незнакомый номер. Городской.

— Алло? — я прижала трубку к уху, стараясь, чтобы голос

не дрожал.

— Олеся Владимировна Самойлова? — голос на том конце был сухим, казенным и

бесконечно усталым. Так говорят люди, которые сообщают плохие новости по

несколько раз за смену.

— Да. Что случилось?

— Капитан Соколов, ГИБДД. Ваша машина, «Рендж Ровер» госномер 001, попала в ДТП

на сорок пятом километре трассы М-11. Вы можете приехать в Первую городскую

больницу?

Я почувствовала, как комната качнулась. Чемодан, платье, Лера, измена — всё это

вдруг отодвинулось, подернулось мутной пленкой.

— Что с моим мужем? — спросила я, и мои пальцы до боли впились в край тумбочки.

— На момент прибытия спасателей в машине находились двое. Оба мужчины. Пассажир

погиб на месте. Второй в крайне тяжелом состоянии, в ре-

анимации. Нам нужно

ваше опознание.

Я не помню, как накинула пальто. Не помню, как вызывала такси, потому что мои

руки не смогли бы удержать руль. Я просто ехала сквозь ночную Москву, глядя,

как дворники размазывают по стеклу мокрый снег. В голове крутилась только одна

фраза Демьяна: «Веди себя прилично. Юбилей состоится».

Фарфоровая свадьба. Двое из Ельца. Один погиб, другой в коме. Демьян был за рулем, значит он в коме, а Данила....боже мой, как жаль, ведь мы даже не успели познакомиться..

Больница встретила меня запахом хлорки и острой безнадежности. В приемном покое

было пусто и холодно. Дежурная медсестра, даже не глядя на меня, указала в

сторону длинного коридора.

— К вам сейчас выйдут. Подождите на скамье.

Я села. Металлическое сиденье обжигало холодом даже
сквозь пальто. В конце

коридора показался мужчина в форме капитана. Он вы-
глядел так, словно не

спал неделю: покрасневшие глаза, мятая куртка. Рядом с
ним шел врач в синем

хирургическом костюме.

— Самойлова? — капитан подошел вплотную. — Сочув-
ствую. Авария тяжелая. Фура на

встречке, занос... Машина в хлам. Там живого места не
осталось.

— Где он? — я встала, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Нам нужно сначала провести процедуру опознания то-
го, кто... в общем, того, кто

не выжил. Пойдемте, это в соседнем корпусе.

Мы шли по подземному переходу, и звук наших шагов
гулко отдавался от кафельных

стен. В морге было пронзительно тихо. Санитар в резино-
вом фартуке отодвинул

тяжелую дверь холодильной камеры и выкатил каталку.

— Он сидел на пассажирском сиденье. Лицо почти не пострадало, — тихо сказал капитан. — Удар пришелся в бок.

Он откинул край простыни.

Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, время остановилось. С каталки

на меня смотрел Демьян..или похожий на него человек. Тот самый лоск, та самая линия подбородка. Только кожа

была серой, а на лбу застыла тонкая нитка крови. Он выглядел так, словно просто

заснул в своем дорогом офисе, устав от бесконечных сделок. Нет, все таки это был не мой муж, Демьян был за рулем, он никому не доверял машину, а этот Данила, был на пассажирском....Боже, как они все таки похожи...

Я смотрела на него и не чувствовала ничего, кроме оглушительной пустоты.

— Это... — я запнулась. — Это Данила. Брат моего мужа. Капитан что-то пометил в планшете.

— Вы уверены?

— Да. У них с мужем одинаковые лица. Но Данила прилетел сегодня из Салехарда. Мой муж его встречал.

Я... я знала, что они должны были быть вместе.

— Понятно. Значит, ваш муж в реанимации. Вам отдадут его вещи, которые были на нем, и документы. Пойдемте, доктор вас проводит.

Мы вернулись в главный корпус. Реанимация — это мир писка мониторов и запаха

жженого озона. Врач подвел меня к боксу, отделенному стеклянной

перегородкой.

— Состояние критическое, — негромко сказал он. — Множественные переломы,

закрытая черепно-мозговая травма, сильный ушиб легких. Мы ввели его в

искусственную кому.

На койке, опутанный трубками и проводами, лежал человек. Его голова была

полностью замотана бинтами, лицо скрыто кислородной маской. Из-под

повязок виднелись только закрытые глаза и часть щеки в синяках.

— Демьян? — я подошла к стеклу, приложив к нему ладонь.

Человек не шевелился. Только мерный писк аппарата ИВЛ доказывал, что в этом

изломанном теле еще теплится жизнь.

— Выживет? — я обернулась к врачу.

— Шансы пятьдесят на пятьдесят. Ближайшие сутки будут решающими. Он потерял

много крови.

Я смотрела на него и чувствовала странное оцепенение. Мой муж. Изменник.

Человек, который собирался лишить меня сына. И вот он лежит здесь,

беспомощный, жалкий, зависящий от капельницы и уда-
чи. Я должна была

желать ему смерти, но вместо этого чувствовала лишь
горькую, липкую

жалость.

— Олеся Владимировна, — капитан ГИБДД подошел ко мне, держа в руках прозрачный

пластиковый пакет. — Вот вещи, которые были при пострадавшем. Нам нужно, чтобы

вы подтвердили их принадлежность и расписались в протоколе получения.

Я взяла пакет. Внутри лежало пальто. То самое, дорогое, из темно-синего кашемира с

кожаными вставками, которую Демьян купил в прошлом месяце. Оно было в бурых

пятнах крови, местами разорвано, пропитано запахом гари и бензина.

Я вытащила из кармана бумажник. Раскрыла его.

Внутри аккуратно лежали банковские карты на имя Демьяна Самойлова. Его

водительское удостоверение. Пропуск в его бизнес-центр. И сложенный

вчетверо лист бумаги — план банкета на двенадцатое апреля.

Я сжала документы в руках. Весь его мир, вся его мощь и юридическая броня

уместились в этом кожаном кошельке.

— Это вещи моего мужа, — сказала я, и мой голос прозвучал как шелест сухой

листвы. — Всё верно. Пальто его. Документы его.

— Значит, вы подтверждаете, что в реанимации находится Самойлов Демьян

Николаевич?

— Да. Подтверждаю.

Я не знала, что в этот момент я подписываю приговор собственной жизни. Я не

видела, как в морге, в соседнем здании, санитар закрывает лицо покойного,

похожего на моего мужа. Я не знала, что Данила в последний момент надел

это пальто, спасаясь от апрельского холода.

Для меня, для врачей, для полиции — всё было очевидно. Демьян за рулем, Данила

на пассажирском. Выжил владелец машины и документов. Я подошла ближе к стеклу реанимации.

— Ты обещал мне, что я пожалею, Демьян, — прошептала

я, глядя на неподвижное

тело. — Ты обещал, что уничтожишь меня. Но, кажется, судьба решила начать с

тебя.

В этот момент человек на койке едва заметно шевельнул пальцами правой руки. Теми

самыми пальцами, на которых не было золотого кольца — оно осталось в кармане

куртки вместе с его настоящим именем.

Я вышла из отделения. На улице уже светало. Серый, грязный рассвет десятого

апреля пробивался сквозь тучи.

У меня в сумке лежали документы мужа. В больнице лежал человек, которого я

должна была ненавидеть, но обязана была спасти. А дома ждал Макар,

которому я еще не знала, как сказать, что его отец балансирует между жизнью и смертью.

Я села на ту самую скамью у входа, чувствуя, как холод

пробирается под пальто.

— Десятое апреля, — прошептала я, глядя на свои пустые руки. — У нас осталось

два дня до юбилея, которого не будет.

Я не знала, что через несколько часов этот человек в бинтах откроет глаза. И что

первый его взгляд заставит мое сердце замереть от ужаса и странного, пугающего

узнавания.

В кармане моей сумки внезапно завибрировал телефон Демьяна, который я забрала

вместе с вещами. Новое сообщение. От Леры.

«Дёмочка, ты где? Я жду тебя уже два часа. Почему ты не отвечаешь? Ты обещал,

что мы сегодня всё решим».

Я выключила телефон. Больше решать было нечего. По крайней мере, не так, как они

планировали.

Над Москвой валил тяжелый, мокрый снег, скрывая под собой обломки машин и

разбитые судьбы двух братьев из Ельца. Праздник закончился, так и не

начавшись. Но настоящая драма только готовилась к своему первому акту.

Глава 5(Данила)

(от лица Данилы)

Сознание возвращалось рывками, как будто кто-то в моей голове щелкал

выключателем старого, искрящего проектора. Вспышка — и я вижу

ослепительно-белый потолок, от которого режет глаза. Темнота. Вспышка — и

до меня долетает мерный, сводящий с ума писк медицинского монитора. Снова

провал.

Я не чувствовал своего тела. Оно казалось огромным, неповоротливым сугробом,

который завалил меня по самую макушку. Вместо вдоха — механический, сухой

толчок в легкие. Железо в горле. Трубка. Она мешала, царапала гортань, не

давая даже сглотнуть скопившуюся горечь.

Где я? Кто я?

Память была похожа на разбитый витраж. Острые осколки кололи изнутри. Белая

пелена. Скрежет металла, такой громкий, что, казалось, он всё ещё вибрирует

в моих костях. И лицо. Лицо Демьяна.

Оно возникло перед глазами внезапно, заслонив белизну потолка. Брат не улыбался.

Его губы искривились в той самой последней, ядовитой усмешке. «Ты всегда хотел

мою жизнь, Даня... На, подавись».

Удар. Я вспомнил его. Страшный, боковой, раздавивший правую сторону нашей машины

в лепешку. Там сидел Демьян. Там, где теперь не должно было остаться ничего

живого.

Я попытался дернуться, позвать его, но тело отозвалось лишь тупой, пульсирующей

болью где-то в районе груди и головы. Голова была стянута так туго, что

казалось, череп вот-вот лопнет.

— Тише, тише... Не дергайтесь, Демьян Николаевич.

Женский голос. Незнакомый. Латексный хруст перчаток.

Я почувствовал, как чьи-то

пальцы коснулись моего запястья.

Демьян Николаевич? Нет. Ошибка.

Я хотел сказать, что я Данила. Что я прилетел из Салехарда. Что мой брат... мой

брат остался там, в разбитом «Рендж Ровере». Но вместо слов из горла вырвался

лишь жалкий, захлебывающийся хрип. Трубка ИВЛ не пускала звук.

— Сестра, он приходит в себя! — крикнул кто-то в глубине помещения.

Шаги. Много шагов. Шелест халатов. Я зажмурился, пытаясь сбежать обратно в

темноту, где не было этой боли и этого странного, чужого имени. Но тьма

больше не принимала.

— Давление в норме. Рефлексы есть. Динамика положительная, — чей-то мужской

голос звучал над самым ухом. — Самойлов, вы меня слышите? Попробуйте сжать

мою руку, если слышите.

Я заставил свои пальцы пошевелиться. Они были чужими, тяжелыми, но я нащупал

чью-то ладонь и слабо сжал её.

— Отлично. Вы в больнице. Была авария. Сейчас мы выведем трубку, будет

неприятно, постарайтесь не кашлять.

Последовала серия тошнотворных манипуляций. Казалось, из меня вытаскивают саму

душу вместе с этим пластиковым шлангом. Я закашлялся, и грудную клетку прошило

раскаленным ломом. Но потом — первый самостоятельный вдох. Настоящий. Пахнущий

спиртом, озоном и бедой.

— Вот так, хорошо... Дышите.

Я открыл глаза. Зрение медленно фокусировалось. Напротив меня стоял врач в синей

шапочке. Он что-то записывал в планшет. А за его плечом, за прозрачной

стеклянной перегородкой бокса, я увидел её.

Олеся.

Я узнал её сразу. Не по тем пафосным снимкам, что присылал Демьян, где она

стояла в вечерних платьях, затянутая в корсеты, с идеальной прической.

Нет. Я узнал её по глазам. Теплым, светлым, которые теперь казались

выцветшими от горя. Она прижимала ладонь к стеклу, и её пальцы

дрожали. На ней было наспех наброшенное пальто, волосы спутались, а лицо

было бледным, как тот самый фарфор, о котором Демьян говорил с таким

пренебрежением.

Врач кивнул ей, разрешая войти.

Дверь бокса тихо пшикнула, впуская её внутрь. Она сделала шаг, другой.

Остановилась у края койки. Я смотрел на неё, и в моей голове, среди

белого шума амнезии, вдруг всплыл запах — тонкий, цветочный, как от

свежесрезанных пионов. Так пахла её мастерская на фотографиях. Так

пахла она сама.

— Демьян? — прошептала она.

В этом единственном слове не было любви. В нем было столько боли, горечи и

затаенного гнева, что я невольно вздрогнул. Она смотрела на меня, на мои

бинты, на мои синяки, и я видел, как в её глазах борется желание подойти ближе

и желание убежать.

— Ты... ты выжил, — её голос сорвался. — Врач сказал, шансов почти не было. Но ты

выжил.

Я попытался разомкнуть губы. Горло горело, как после глотка чистого спирта.

— Д-да... — вытолкнул я из себя хриплый звук.

Она вдруг резко отвернулась, закрывая лицо руками. Её плечи мелко дрожали.

Олеся... прости. Я не Демьян.

Мне нужно было сказать это прямо сейчас. Пока не поздно. Пока эта ложь не

затянула нас обоих в воронку. Я хотел позвать её по имени, объяснить, что

на мне было его пальто, что в кармане были его документы. Что мы поменялись

местами на заправке...

«Ты всегда хотел мою жизнь, Даня... Подавись».

Слова брата ударили в мозг с новой силой. Я вспомнил его циничный голос в

машине. Как он говорил о ней — как об «удобном активе»

Я посмотрел на её руки. Тонкие запястья, на одном из которых я заметил свежую

царапину, заклеенную пластырем. Она была так беззащитна здесь, в этом

стерильном боксе.

Если я сейчас скажу правду... что будет?

Демьян мертв. Я видел его там, на пассажирском сиденье. Его больше нет. Но

остались его долги, его любовница Лера, его адвокатские ловушки и его

ненависть, которую он упаковал в брачный контракт. Если я признаюсь, Олеся

останется вдовой человека, который её предал. Она останется один на один с

банками, с полицией, с девелоперами, которые сожрут её мастерскую и её дом

за один день. Она потеряет всё, потому что Демьян всё оформил на себя.

А Макар? Мальчик, которого Демьян хотел отправить в

кадетку просто чтобы не

видеть его «слабости».

Я смотрел на неё и понимал: если «Демьян» умрет сегодня официально, она погибнет

следом. Морально или материально.

— Как... Макар? — прохрипел я, едва узнавая собственный голос. Он был глубоким,

надтреснутым, совсем не похожим на звонкий, уверенный баритон брата. Но она,

кажется, списала это на травму.

Олеся вскинула голову. В её взгляде на секунду промелькнуло удивление.

— Ты спрашиваешь о сыне? — она горько усмехнулась, вытирая слезы тыльной

стороной ладони. — Надо же. Авария действительно творит чудеса. Он спит

дома. Он еще не знает. Я сказала, что ты уехал по делам. Опять.

Она подошла ближе. Села на край стула, не решаясь коснуться моей руки.

— Данила погиб, Демьян, — её голос стал ровным, безжизненным. — Твой брат. Ты

понимаешь это? Его... его больше нет. Он в морге, в соседнем корпусе. Капитан

ГИБДД сказал, что удар пришелся в его сторону.

Сердце пропустило удар. Данила погиб. Я, Данила, официально мертв. Я лежу в

холодильнике, прикрытый простыней, а человек, который предал эту женщину,

«выжил» в моем теле.

Абсурдность ситуации была такой мощной, что мне на мгновение стало смешно.

Горько, до тошноты.

— Мне... жаль, — выдавил я.

— Тебе жаль? — она вдруг подалась вперед, и я увидел в её глазах вспышку той

самой ярости, которую она, должно быть, копила в себе последние часы. — Тебе

жаль брата, которого ты не видел двадцать лет и которого

вызвал в Москву просто

как декорацию? Тебе жаль его, Демьян? А меня тебе не жаль? То, что ты делал в

нашей спальне с Лерой... тебе не жаль?

Я замер. Так вот в чем дело. Она знала об измене. Она знала всё.

Теперь я понимал, почему Демьян так психовал за рулем. Почему он летел сквозь

буран, не разбирая дороги. Он бежал от её взгляда. От её правды.

— Олесья... — я попытался потянуться к её руке, но она резко отпрянула, словно от

ожога.

— Не трогай меня. Никогда больше не смей меня трогать. Я приехала сюда только

потому, что полиция просила опознания. И потому, что я не могла оставить

Макара без отца в один день с его дядей. Но не думай, что что-то

изменилось. Как только ты встанешь на ноги — мы разведемся. Юбилея не

будет. Я заберу сына и уйду. Ты слышишь меня?

Она стояла над моей койкой, и её мелко трясло. Она была похожа на натянутую

струну, которая вот-вот лопнет.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри меня, под слоем боли и амнезии,

просыпается что-то забытое. Данила, который всегда строил мосты. Который

всегда защищал тех, кто слабее.

Я не мог ей сказать. Не сейчас. Если я скажу, что я — Данила, я стану для нее

еще одним предателем. Сообщником Демьяна, который участвовал в этой лжи. Она

не поверит, что это была случайность с пальто. Она решит, что это была

очередная юридическая схема её мужа.

Всего один день. Мне нужно было просто продержаться

один день, прийти в себя,

понять, как спасти её от юридической петли, которую затянул Демьян. Я должен

был стать им, чтобы разрушить всё, что он построил на её костях.

— Хорошо, — прошептал я, закрывая глаза. — Как скажешь.

— Врач сказал, тебе нужен покой, — она поправила пальто на плечах. Её голос

снова стал холодным. — Я приеду завтра. Привезу вещи. Документы твои у

меня. Бумажник тоже.

Она направилась к выходу. У самой двери она остановилась и обернулась.

— Знаешь, что самое страшное, Демьян? Там, в морге... когда я смотрела на Данилу...

я на секунду подумала, что это ты. И я... я не почувствовала горя. Только

облегчение. А когда мне сказали, что ты жив... мне стало страшно.

Дверь бокса пшикнула, закрываясь за ней.

Я остался один в окружении приборов. Писк монитора теперь казался мне отсчетом

времени до моей собственной казни.

Я, Данила Самойлов, инженер из Ельца, только что совершил самое большое

преступление в своей жизни. Я украл чужую судьбу. Судьбу человека,

которого я ненавидел и любил одновременно.

Ложь входила в меня, как игла капельницы. Медленно, капля за каплей, превращая

мою кровь в яд.

«На, Даня... Подавись».

Я закрыл глаза. В голове шумел снег М-11. Я не знал, выжил ли Данила внутри

меня. Но я знал одно: теперь я буду Демьяном Самойловым. До тех пор, пока не

выплачу этой женщине все долги моего брата.

Даже если за это мне придется расплатиться собственной душой.

Над Москвой занималось утро десятого апреля. Грязное, серое, пахнущее бедой. Моя

новая жизнь началась. И в ней не было места для правды. По крайней мере,

сегодня.

Глава 6

За две недели, проведенные в стенах Первой городской, я почти привыкла к запаху

антисептиков и серой каше больничных будней. Но день выписки обрушился на меня

осознанием: теперь мне придется везти эту ложь к себе домой.

Демьян сидел на краю больничной

койки. Его голова больше не была похожа на кокон из бинтов, лишь на виске алел

свежий рваный шрам, уходящий в густую линию волос. Он похудел. Лицо осунулось,

скулы стали острее, а взгляд... взгляд пугал меня больше всего. В нем не было

привычного блеска превосходства. Скорее, там поселилась тихая, выжидающая

настороженность зверя, попавшего в незнакомый лес.

— Вещи здесь, — я поставила на тумбочку сумку. — Я подготовила твой любимый

костюм, но, боюсь, в брюках тебе будет неудобно из-за швов. Взяла мягкий

спортивный комплект. Кашемир.

Он поднял на меня глаза. Я невольно замерла. В этих зрачках не было привычного

мне холода. Там плескалась вина — густая, как деготь.

— Спасибо, Олеся, — негромко произнес он.

Его голос всё еще оставался надтреснутым, хриплым, словно связки не до конца

восстановились после трубки ИВЛ. Но в этом коротком «спасибо» было больше

веса, чем во всех его высокопарных речах за последние пять лет.

— Не за что. Нам пора. Макар ждет дома, он места себе не находит.

Дорога до поселка прошла в оглушительном молчании. Я вела свою «Ауди»,

вцепившись в руль так, что побелели костяшки. Весна в

Подмосковье

вступала в свои права: вдоль трассы чернел подтаявший снег, а березы стояли

голыми, выжидающе глядя в хмурое небо. За окном проносились заправки, торговые

центры — те самые места, мимо которых он пролетал две недели назад, спеша

навстречу своей новой жизни. К Лере.

Я мельком взглянула на него. Демьян смотрел в окно. Он не пытался достать телефон, не проверял почту, не раздражался из-за пробок. Он просто смотрел на деревья, словно видел их

впервые.

— Слушай меня внимательно, — сказала я, когда мы свернули на проселок к нашему

дому. — Врач сказал, тебе нужен покой. Поэтому мы будем жить в разных

комнатах. Я перенесла твои вещи в гостевую на первом этаже. Подниматься

по лестнице тебе пока тяжело.

Он медленно повернул ко мне голову.

— Разные комнаты. Да, это... логично.

— Это не логично, Демьян. Это единственно возможный вариант. Я не забыла то утро

девятого апреля. И не прощу. Ты здесь только потому, что у тебя сотрясение

мозга, и я не могу вышвырнуть инвалида на улицу на глазах у десятилетнего

сына. Как только ты окрепнешь — мы займемся разводом.

Я ждала взрыва. Ждала, что он начнет угрожать своими связями, напомнит, что он

«лучший адвокат в городе» и что я уйду от него босой. Но он лишь кивнул.

— Я понимаю. Ты имеешь на это полное право.

Его покорность злила меня сильнее, чем если бы он начал орать. Это был какой-то

изоощренный вид психологического давления. Новый способ манипуляции?

Наш особняк встретил нас привычным великолепием: ко-

ванные ворота, выметенные

дорожки, фасад из светлого камня. Когда я заглушила мотор, дверь дома

распахнулась. На крыльцо выбежала Галина Петровна, наша экономка,

работавшая у нас еще до рождения Макара.

— Господи, Демьян Николаевич! Живой! — она всплеснула руками.

Но прежде чем она успела подойти, из-за её спины вылетело серое ядро. Балу, наш

кане-корсо, огромный пес весом в шестьдесят килограммов, неся к машине,

оглашая окрестности басовитым лаем.

Я похолодела. Демьян всегда презирал эту собаку. Он считал, что Балу «слишком

эмоциональный и бестолковый», и часто наказывал его, если тот смел прыгнуть

на его дорогой костюм. Пес боялся хозяина, при его появлении всегда вжимал

голову в плечи и уходил на свое место в холле.

— Балу, фу! Назад! — крикнула я, боясь, что пес собьет едва стоящего на ногах

мужа.

Демьян открыл дверцу и медленно выбрался из машины. Он замер, опираясь на дверь.

Собака подлетела к нему, и я уже приготовилась услышать привычный окрик: «Пошел

вон, тупая скотина!».

Но Демьян не закричал. Он медленно опустил дрожащую руку и коснулся морды пса.

Балу, вместо того чтобы зарычать или отпрянуть, внезапно затих. Он начал

судорожно втягивать воздух, обнюхивая ладонь мужчины, а затем произошло

невероятное: огромный пес заскулил, завил хвостом и начал лизать пальцы

Демьяна, тыкаясь лбом ему в колено.

Мужчина закрыл глаза. На его лице промелькнула такая болезненная гримаса, словно

эта ладонь пса причиняла ему физическую муку.

— Хороший... хороший мальчик, — прохрипел он, запустив пальцы в жесткую шерсть за

ушами собаки.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Балу никогда не ластился к Демьяну. Никогда.

Животные чувствуют ложь и агрессию лучше людей. Что-то было не так. Совершенно

не так.

— Галина Петровна, помогите ему дойти до комнаты, — голос мой прозвучал сухо. —

Я пойду наверх, посмотрю Макара.

Вечер в доме был наполнен неестественной тишиной. Макар просидел у отца в

комнате два часа. Они о чем-то тихо разговаривали — точнее, говорил в

основном сын, а «Демьян» слушал. Когда Макар вышел,

его глаза светились.

— Мам, представляешь, папа сказал, что, когда поправится, мы вместе соберем ту

модель моста, которую он мне на прошлый день рождения обещал.

— Он обещал? — я нахмурилась. Демьян терпеть не мог конструкторы, считая их

пустой тратой времени.

— Да! Он даже помнит, что там вантовая система. Мам, он какой-то... другой. Не

сердитый.

Я ничего не ответила, лишь поцеловала сына в макушку. «Другой». Конечно, другой.

После такой аварии люди пересматривают ценности. Или просто имитируют это, чтобы

не потерять всё.

Ближе к десяти вечера я зашла в гостевую. Демьян сидел в кресле у окна, не

включая свет. В полумраке его силуэт казался угловатым, чужим.

— Тебе нужно переодеться и обработать швы на плече, —
я поставила на столик

аптечку. — Галина Петровна ушла, так что придется мне.
Он вздрогнул, словно я застала его за чем-то запретным.

— Я сам справлюсь, Олеся. Не стоит...

— Не спорь. Ты едва рукой шевелишь.

Я подошла и включила настольную лампу. Теплый свет
залил комнату. Демьян

послушно начал расстегивать пуговицы кашемирового
лонгслива, но его

левая рука висела плетью. Он глухо зашипел от боли.

— Позволь мне, — я шагнула ближе.

Мои пальцы коснулись ткани, а затем — его кожи. Я ждала привычного холода или,

наоборот, прилива того раздражения, которое испытывала к нему последние годы.

Но когда моя рука случайно соприкоснулась с его плечом, меня словно прошило

током.

Кожа была горячей. И пах он... не так. Раньше от Демьяна

всегда веяло «Creed

Aventus» — резким, статусным ароматом, который не выветривался даже после душа.

Сейчас от него пахло мылом, госпиталем и чем-то еще — теплым, живым, мускусным.

Запахом мужчины, который много времени провел на ветру.

Я помогла ему снять одежду. Его грудь была покрыта сетью синяков — от желтых до

багрово-черных. На правом плече красовался рваный шрам, стянутый аккуратными

стежками.

Я взяла ватный тампон, смоченный в антисептике, и начала осторожно обрабатывать

рану. Мое дыхание участилось. Мы стояли так близко, что я чувствовала жар,

исходящий от его тела.

Он молчал. Но я видела, как ходят желваки на его челюсти. Он смотрел не на меня,

а куда-то в сторону, в темноту сада за окном. Его рука, лежащая на подлокотнике

кресла, внезапно дернулась и накрыла мою ладонь.

Это не было сексуальным жестом. Это было похоже на жест утопающего, который

хватается за соломинку. Его пальцы — мозолистые, грубые, совсем не похожие

на холеные руки адвоката — сжали мои запястья.

— Олеся... — выдохнул он.

Я замерла. Сердце в груди забилося как сумасшедшее. В этом звуке, в том, как он

произнес мое имя, было столько невыносимой тоски, что у меня перехватило

дыхание. Это не был мой муж. Демьян никогда не смотрел на меня так —

словно я была его единственным спасением в рушащемся мире.

— Не надо, — я резко отняла руку. — Не забывайся. Швы я обработала. Спи.

Я почти выбежала из комнаты, захлопнув дверь. В коридоре я привалилась к стене,

пытаясь унять дрожь.

Мои ладони всё еще горели от прикосновения его кожи. «Другие руки», — пронеслось

в голове. У Демьяна кожа была гладкой, тонкой. У этого человека ладони были

покрыты мелкими шрамами и натоптышами, какие бывают у тех, кто работает

руками.

Амнезия? Последствия травмы? Или я просто схожу с ума от стресса?

Я прошла на кухню и налила себе стакан ледяной воды. В углу, на своем коврикe,

лежал Балу. Увидев меня, он завилял хвостом, но не встал. Он смотрел в сторону

гостевой комнаты, преданно и тихо.

— Тебя тоже не обманешь, да, Балу? — прошептала я.

Собака не узнавала хозяина. Собака узнавала в нем кого-то другого. Кого-то, кто

пах домом, лесом и честностью.

Я посмотрела на свои пальцы. На них всё еще ощущалось то странное, пугающее

электричество.

Десятое апреля было две недели назад. Юбилея не случилось. Но в нашем доме

поселился кто-то, кто носил лицо моего мужа, но имел совершенно иную душу.

И самое страшное было в том, что эта чужая душа манила меня гораздо сильнее, чем

всё, что связывало меня с Демьяном последние двадцать лет.

Я выключила свет и пошла к себе, зная, что сегодня снова не усну. В голове

набатом стучала одна и та же мысль: «Кто ты? И что ты сделал с моим

мужем?».

А за окном шумел апрельский дождь, смывая остатки грязного снега с земли,

которая готовилась к новой жизни. Жизни, в которой правда могла оказаться

страшнее любой лжи.

Глава 7(Данила)

(от лица Данилы)

Этот дом был похож на музей холодного оружия: остро, блестяще и смертельно

опасно, если не знаешь, за какой край братья.

Я стоял посреди гостевой спальни на первом этаже, прислушиваясь к звукам за

дверью. Шаги Олеси на втором этаже — легкие, почти невесомые, но для меня

они звучали как удары колокола. Шум воды в ванной. Где-то в глубине дома глухо

звякнула посуда — это Галина Петровна, экономка, чье имя я зазубрил по записям в

телефоне брата, начинала свой день.

Я чувствовал себя сапером на минном поле. Один неверный жест, одно не вовремя

сказанное слово — и всё взлетит на воздух. Мой голос, хриплый и надтреснутый

после травмы, был моей лучшей маскировкой. Я старался говорить как можно

меньше, списывая всё на усталость и боли.

— Дыши, Даня, — прошептал я сам себе, глядя в зеркало над комодом.

Из отражения на меня смотрел Демьян. Тот же разлет бровей, та же форма челюсти.

Но глаза... Глаза были моими. В них не было той ледяной уверенности, с которой

брат привык взирать на мир. В них застыл страх человека, который украл чужую

жизнь и теперь не знает, что с ней делать.

Я вышел из комнаты, стараясь не опираться на трость — тело ныло, но я должен был

двигаться. Мне нужно было изучить «свою» территорию.

Кабинет Демьяна находился в конце коридора. Массивная дверь из темного дуба была

заперта, но я нашел ключ в тумбочке, где брат хранил свои элитные часы. Щелчок

замка прозвучал как выстрел.

Внутри пахло старой бумагой, дорогим табаком и чем-то неуловимо кислым — запахом

больших денег и таких же больших проблем. Огромный стол из массива, кожаное

кресло, книжные полки до потолка. Я сел в кресло, чувствуя, как оно

обнимает меня, подстраиваясь под изгибы спины. Демьян любил комфорт. Он

возвел его в культ.

Я начал просматривать ящики. Юридическая документация, выписки со счетов,

договоры... Мой мозг инженера привык к цифрам и схемам, но здесь была

другая математика. Математика предательства.

В потайном отделении под вторым дном ящика я нашел тонкую папку. Внутри —

распечатки переписок, фотографии, чеки из отелей. Лера

Исаева. Подруга

его жены.

Я читал их сообщения, и внутри меня закипала глухая, тяжелая ярость. Демьян не

просто изменял Олесе. Он документировал её каждый шаг, искал лазейки в брачном

контракте, собирал компромат на её мастерскую, чтобы при разводе оставить её ни

с чем. Он называл это «минимизацией рисков». Я называл это подлостью.

«Она слишком мягкая, Дём. Она не выживет без твоего кошелька, просто подпишет

всё, что дашь», — писала Лера. «Главное — Макар. Он должен остаться со мной

как рычаг давления на её отца. Старик Захаров не переписет активы, если внук

будет не у нас», — отвечал Демьян.

Я сжал бумагу так, что она хрустнула. Мой брат был монстром. Холеным,

образованным, статусным чудовищем, которое планомерно уничтожало

женщину, подарившую ему двадцать лет жизни.

Внезапно дверь кабинета тихо скрипнула. Я инстинктивно захлопнул папку и

задвинул ящик, чувствуя, как сердце пустилось вскачь.

На пороге стоял Макар.

Он был таким маленьким в проеме этой огромной дубовой двери. Тонкий, бледный, в

своей вечной толстовке с капюшоном. Он смотрел на меня с тем самым выражением,

которое я видел у детей в детских домах, когда им обещают поездку в цирк, но

они уже знают, что их обманут. Ожидание боли.

— Пап? — тихо позвал он. — Ты... ты работаешь?

Я сглотнул ком в горле. Мой голос подвел меня, застряв где-то в груди. Я просто

смотрел на него. На эти волосы, которые вились точно так же, как у меня в

детстве. На эти глаза.

Внутри меня что-то оборвалось. Словно мощный электрический разряд прошел через

позвоночник. Биологическая связь — это не просто строчка в учебнике. Это

физическое тяготение. Макар был моим отражением.

— Нет, Макар. Заходи, — я постарался сделать голос как можно мягче.

Мальчик неуверенно переступил порог. Он шел по ковру осторожно, словно боялся

оставить следы. Демьян, судя по всему, не жаловал сына в своем святилище.

— Мама сказала, что тебе нельзя мешать. Но я хотел... я нашел ту книгу про мосты.

Которую дядя Данила... ну, мой дядя, присылал мне в прошлом году. Ты помнишь?

Я замер. Книга про мосты. Я помнил, как выбирал её в книжном магазине Салехарда,

как упаковывал, надеясь, что племяннику будет интересно. Демьян тогда даже не

поблагодарил.

— Помню, — соврал я, хотя это была чистая правда. — Принесешь? Посмотрим вместе.

Макар замер на полпути. Его глаза округлились.

— Вместе? Но ты всегда говорил, что это... ну, «чушь для тех, кто хочет остаться

прорабом на стройке».

Я почувствовал, как к лицу подлила кровь. Гнев на брата стал почти осязаемым.

— Раньше говорил. Теперь передумал. Авария... она меняет взгляды на многие вещи,

Макар.

Я протянул руку. Просто раскрыл ладонь, приглашая его подойти ближе. Макар

медлил секунду, а потом сделал рывок и оказался рядом. Он не обнял меня —

он боялся. Он просто стоял вплотную к креслу, и я почувствовал его запах:

яблочный шампунь и карандашный грифель.

— Пап? — он вдруг понизил голос до шепота, оглядыва-

ясь на дверь. — А ты... ты

правда передумал?

— О чем, родной?

— Про кадетское училище.

Я похолодел.

— Кадетское училище?

— Ну, ты сказал, что после юбилея, тринадцатого апреля,
ты отвезешь меня в

интернат. Что мне нужно «выбить из головы эту художе-
ственную дурь» и стать

настоящим мужчиной. Чтобы я не был похож на... на дя-
дю Даню.

Я закрыл глаза. В ушах зашумело. Мой брат хотел забрать
ребенка у матери,

запереть его в казарме за сотни километров от дома, про-
сто чтобы наказать

Олесю и стереть любое сходство сына со мной. Он хотел
сломать этого мальчика,

превратить его в подобие себя — холодное, расчетливое,
пустое.

— Пап, ты чего? Голова болит? — Макар испуганно коснулся моей руки.

Его ладошка была теплой и маленькой. Я перевернул свою руку и осторожно сжал его

пальцы.

— Нет, Макар. Больше никакого кадетского училища. Никогда. Ты останешься дома.

Будешь рисовать, чертить свои мосты... делать то, что любишь. Ты меня слышишь?

Мальчик смотрел на меня так, словно я только что превратился в супергероя из его

комиксов. В его глазах стояли слезы, которые он отчаянно пытался скрыть, шмыгая

носом.

— Обещаешь? — выдохнул он.

— Обещаю. Клянусь тебе.

В этот момент в дверях кабинета появилась Олеся. Она стояла неподвижно, глядя на

нашу сцену. Её лицо было бледным, а в глазах читалось такое глубокое

замешательство, что мне стало не по себе. Она видела, как её «муж»

держит сына за руку. Она видела то, чего не случилось в этом доме годами.

— Макар, иди перекуси, Галина Петровна испекла твои любимые блинчики, — сказала

она, и её голос был лишен красок.

Сын просиял, еще раз сжал мою руку и пулей вылетел из кабинета. Мы остались

вдвоем.

Олеся вошла внутрь и закрыла дверь. Она не подходила близко. Между нами была

пропасть из её боли и моей лжи.

— Ты зачем это делаешь, Демьян? — спросила она.

— Что именно? — я старался держать лицо, хотя внутри всё дрожало.

— Даешь ему надежду. Ты же знаешь, что он верит тебе. Зачем ты пообещал отменить

кадетку? Чтобы потом, когда мы начнем развод, ударить меня этим больнее?

Сказать, что я «плохая мать», раз не хочу отдавать его в элитное

заведение?

— Олеся, я...

— Хватит! — она ударила ладонью по столу. — Не смей играть с чувствами ребенка.

Я видела переписку в твоём телефоне. Я знаю, что ты планировал. Ты хотел

раздавить меня, лишить Макара. Так почему сейчас ты строишь из себя

заботливого отца? Это твоя новая тактика? Адвокатский ход?

Я смотрел на неё. Она была так красива в своём гневе. Сильная, израненная,

готовая защищать своего детеныша до последнего вздоха. И я понимал: она

борется не со мной. Она борется с призраком Демьяна, который всё ещё владел

этим кабинетом.

— Это не тактика, — сказал я, и мой голос звучал необычно глубоко. — Я просто

понял, какой мразью я был. Авария... она стерла того Демьяна, которого ты знала.

Его больше нет. Поверь мне.

— Я не верю тебе ни на грош, — прошептала она, и в её глазах блеснули слезы. —

Люди не меняются за две недели. Шрамы заживают, а гниль внутри — нет.

Она развернулась и вышла, оставив после себя аромат пионов и горький привкус

несправедливости.

Я остался один в тишине кабинета. На столе лежала папка с грязными тайнами моего

брата. Где-то в холле радостно лаял Баллу, встречая Макара.

Я посмотрел на свои руки. Они всё ещё чувствовали тепло маленькой ладони сына.

Я больше не был Данилой, который просто прятался. Я стал Данилой, который вышел

на тропу войны. Против своего мертвого брата. Против Леры. Против всего того

зла, что накопилось в этих стенах.

Я надел «чужие тапочки», и они жали мне в подъеме. Но я не собирался их снимать.

Теперь у меня была цель. Спасти Олесю. Защитить Макара. И, возможно,

когда-нибудь, заслужить право просто посмотреть им в глаза, не отводя

взгляда.

За окном апрельский ветер гнал тучи, но сквозь них уже пробивался тонкий,

несмелый луч солнца. Первый за долгое время. Глава моей новой жизни была

написана кровью и ложью, но финал... финал я собирался написать сам. По правилам

чести, которым меня учили в Ельце. По правилам любви, которую я только что

обрел.

Глава 8

Ужин в нашем доме всегда напоминал хорошо отрепетированную театральную

постановку, где декорации стоили дороже, чем сами актеры. Длинный стол

из полированного ореха, тяжелое серебро, которое Демьян заставлял чистить до

зеркального блеска, и звенящая пустота между нами, которую не мог заполнить

даже самый изысканный деликатес.

Обычно Демьян за столом не ел — он «принимал пищу». Придирчиво ковырял вилкой

сибаса в соляной корке, кривился, если соус был недостаточно пряным, и ни на

секунду не выпускал из рук смартфон. Он жил в цифровом потоке сделок, исков и

чужих грязных секретов, а мы с Макаром были лишь обя-

зательным фоном его

величия.

Сегодня всё было иначе.

Галина Петровна, явно растерянная просьбой «хозяина», подала обычную рассыпчатую

гречку с грибами. Никаких трюфелей, никакого конфи. Простая еда, от которой по

кухне разливался уютный, почти забытый аромат домашнего тепла.

Я сидела напротив него, медленно помешивая чай, и не сводила глаз с его рук. Он

ел. По-настоящему. С аппетитом человека, который долго голодал или привык к

тяжелому физическому труду. Он не листал ленту новостей, его телефон лежал

экраном вниз на самом краю стола, забытый и ненужный.

— Пап, а ты знал, что у нового датчика движения задержка всего пять миллисекунд?

— Макар подался вперед, размахивая вилкой. — Я сего-

дня перепрошил контроллер, и

робот перестал врезаться в стены.

Я внутренне сжалась. Сейчас Демьян скажет: «Не говори с набитым ртом» или «Твои

игрушки — пустая трата времени, займись английским». Это был стандартный

сценарий.

Но человек напротив меня отложил вилку и посмотрел на сына. Seriously, без тени

привычного раздражения.

— Пять миллисекунд — это хороший результат, Макар. А как ты решил проблему с

инерцией? Масса робота ведь всё равно толкает его вперед после остановки

двигателей.

В столовой воцарилась такая тишина, что я услышала, как на улице капля дождя

ударилась о подоконник. Макар замер, округлив глаза.

— Я... я добавил обратный импульс на моторы. На долю

секунды. Чтобы погасить

накат.

— Умно, — кивнул «Демьян». — Инженерное решение. В мостостроении мы... то есть, в

больших конструкциях это называется динамическим гашением.

— Ты знаешь про динамическое гашение? — я не выдержала, и мой голос прозвучал

резче, чем я планировала.

Он медленно перевел взгляд на меня. В глубине его зрачков на мгновение мелькнуло

что-то похожее на панику, но он тут же взял себя в руки.

— Читал где-то. Юристу полезно знать основы механики, когда ведешь дела

строительных компаний. Разве нет?

— Раньше ты считал, что юристу полезно знать только номера счетов и слабые места

оппонентов, — я прищурилась, пытаюсь поймать его на лжи. — С каких пор тебя

интересуют контроллеры и прошивки?

— Авария, Олеся. Когда твоя жизнь превращается в груды металлолома, невольно

начинаешь интересоваться, как всё устроено, — он ответил спокойно, почти

мягко, но в его интонации была такая глубина, от которой у меня по спине

пробежал холодок.

Макар, не чувствуя подвоха, с восторгом продолжил рассказывать о своих схемах.

Сын расцветал на глазах. Он впервые за десять лет встретил не критика, а

слушателя. И это пугало меня больше, чем измена мужа. Демьян, которого я

знала, был мастером манипуляции, но он никогда не опускался до того, чтобы

притворяться заинтересованным отцом. Это было выше его достоинства.

Когда ужин подошел к концу, и Галина Петровна начала

убирать тарелки, я решила

нанести удар. Проверить его на прочность.

— Кстати, — я нарочито небрежно коснулась салфеткой губ. — Лера звонила сегодня

в твой офис. Секретарь передала, что она очень беспокоится по поводу того

контракта... ну, того самого, который вы обсуждали в день аварии. Она

просила тебя перезвонить.

Я внимательно следила за его лицом. Ни один мускул не дрогнул. Никакого

виноватого взгляда, никакой попытки оправдаться или скрыть раздражение.

— Скажи секретарю, чтобы больше не соединяла её со мной, — произнес он, глядя

мне прямо в глаза.

— Вот как? — я приподняла бровь. — А как же ваши «совместные дела»? Вы ведь так

тщательно их планировали. Прямо в нашей спальне.

Макар в этот момент отвлекся на собаку, слава богу, он не вслушивался в наш

разговор.

— С этим покончено, Олеся, — голос его стал жестким, как стальной трос. — Все

дела, контракты и прочее, что связывало меня с этим человеком, больше не

имеют значения. Я совершил ошибку. Огромную, грязную ошибку. И я не

собираюсь к ней возвращаться. Даже ради бизнеса.

Он встал, слегка пошатнувшись. Травма всё еще давала о себе знать, но он

отказался от предложенной помощи.

— Я пойду к себе. Мне нужно отдохнуть. Спасибо за ужин, Галина Петровна. Было

очень вкусно.

Экономка, стоявшая у раковины, едва не выронила тарелку. «Спасибо» от Самойлова

было событием исторического масштаба.

Вечер тянулся бесконечно. Я бродила по дому, не в силах найти себе место. В

мастерскую идти не хотелось — руки не слушались, а мысли постоянно

возвращались к человеку в гостевой комнате. Кто он? Почему он так ест?

Почему так смотрит на Макара?

В одиннадцать вечера я поднялась на второй этаж, но сон не шел. Дом казался мне

чужим. словно привычные декорации заменили на очень похожие, но с другим

запахом и энергетикой.

Я спустилась вниз за стаканом воды. Проходя мимо гостевой комнаты, я увидела,

что дверь приоткрыта. Тонкая полоска света падала на ковер в коридоре.

Я замерла. Любопытство и подозрение — гремучая смесь, которая заставляет

совершать глупости. Я осторожно толкнула дверь, наде-

ясь, что петли не

заскрипят.

В комнате горел только ночник. Огромная кровать с ортопедическим матрасом,

который я выбирала специально для его спины, была застелена. Покрывало не

смято, подушки взбиты. Пусто.

Моё сердце ухнуло куда-то в желудок. Сбежал? Ушел к ней?

Но тут я опустила взгляд.

Он лежал на полу. Прямо на жестком паркете, подстелив лишь тонкое шерстяное

одеяло. Спал на спине, закинув одну руку за голову. Его лицо в полумраке

казалось высеченным из камня — спокойное, суровое, без единой морщинки

капризного недовольства, которое всегда преследовало Демьяна во сне.

Я стояла и смотрела на него, не в силах пошевелиться. Демьян страдал от болей в

пояснице последние семь лет. Он не мог спать на чем-то жестче премиального

латекса. А этот человек спал на полу так, словно это было самым

естественным местом на земле. Словно он годами привыкал к твердой

поверхности, к холоду, к отсутствию комфорта. В углу кресла лежало пальто. То самое, кашемировое, из аварии. Оно было

вычищено, но на подкладке всё еще виднелись следы его пребывания в кювете.

Я на цыпочках подошла к креслу. Сама не знаю, что я искала. Улику?

Доказательство измены?

Я запустила руку во внутренний карман. Пальцы наткнулись на что-то плотное и

гладкое. Я вытащила это на свет ночника.

Это была старая, пожелтевшая фотография. Без рамок, с заломанными углами. На ней

были двое мальчишек. Лет по десять-двенадцать. Они стояли на фоне какого-то

старого кирпичного здания, обняв друг друга за плечи. Одинаковые лица.

Одинаковые стрижки под машинку. Но один улыбался широко и открыто, а второй

смотрел в камеру исподлобья, с уже тогда зародившейся в глазах жадой обладания.

На обороте мелким, убористым почерком было выведено: «Елец, 1994. Братья. Чтобы

не забыть, с чего начинали».

Я почувствовала, как у меня перехватило дыхание. Демьян всегда ненавидел свое

прошлое. Он сжигал мосты, уничтожал любые напоминания о нищем детстве в

Ельце. Он не хранил фото. Он не хранил воспоминаний.

Тогда почему эта фотография была в кармане его пальто в момент аварии? Почему он

вез её с собой? Или... это была не его фотография?

Я посмотрела на спящего на полу мужчину. В этот момент он вздохнул во сне и едва

заметно шевельнул левой рукой. На его ладони я снова увидела тот самый шрам,

который заметила в день выписки. Старый, глубокий след от какого-то троса

или ножа.

Я вспомнила руки мужа. Идеальные. С маникюром. Без единого изъёма.

— Кто ты? — прошептала я одними губами, чувствуя, как стены комнаты начинают

вращаться.

Фотография в моей руке казалась раскаленной. Я быстро вернула её в карман куртки

и так же тихо, на носочках, вышла из комнаты.

В коридоре я привалилась к стене, хватая ртом холодный воздух.

Тишина в ответ на все мои вопросы была оглушительной. В гостевой комнате спал

человек, который пах лесом и честностью, который любил моего сына и спал на

полу. У него было лицо моего мужа, его документы и его жизнь.

Но он не был Демьяном Самойловым.

И осознание этого факта пугало меня гораздо больше, чем мысль о том, что я живу

под одной крышей с убийцей или сумасшедшим. Потому что этот незнакомец

пробуждал во мне чувства, которые я считала давно похороненными под

слоем фарфоровой пыли моего неудавшегося брака.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Двое из Ельца, — прошептала я, вспоминая надпись на фото.

Один из них лежал в морге. А второй... второй только что съел на ужин гречку в

моем доме и пообещал Макару построить мост.

И я не знала, хватит ли мне сил, чтобы изгнать этого захватчика, или я

окончательно пропаду в этой его тишине, которая была мне дороже всех

слов Демьяна.

Глава 9

Я сидел в гостиной, пытаюсь разобраться в хитросплетениях рабочего графика

Демьяна. Планшет в моих руках казался чужеродным устройством, а

бесконечные уведомления о судебных заседаниях и встречах с

акционерами — шифровкой с другой планеты. Моё тело, привыкшее к

физическому напряжению, ныло от вынужденного безделья. Каждый раз, когда я

слышал шаги Олеси в коридоре, моё сердце замирало, а потом начинало стучать в

удвоенном ритме.

Я боялся её. Боялся её пронизательного взгляда, её тишины, того странного

притяжения, которое возникало между нами в моменты

случайных встреч. Но

больше всего я боялся тех, кто принадлежал к миру Демьяна. Тех, кто знал его

слишком хорошо.

Звук открывающейся входной двери разрезал утреннюю тишину дома. Без звонка. Без

предупреждения. Кто-то вошел в этот дом так, словно владел им по праву.

Я поднялся с дивана, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна. В холле

стояла женщина. Высокая, в безупречном бежевом пальто, которое она небрежно

сбросила на руки подросшей Галине Петровне. Яркая помада, острые скулы и

облако резкого, агрессивного парфюма — того самого «Molecule», о котором я

читал в переписке брата.

Лера Исаева. Хищница, которая только что пиновала на развалинах семьи моего

брата.

— Демьян! — Она не спросила, она провозгласила моё имя, едва увидев меня. — Ты

что, решил превратиться в отшельника? Ты хоть понимаешь, что устроил?

Она прошла в гостиную, не дожидаясь приглашения. Её каблуки выстукивали по

паркету ритм победного марша. Она подошла вплотную, и я почувствовал, как

меня обдает волной её самоуверенности. В её глазах не было сочувствия к

«пострадавшему» любовнику — только ярость и неудовлетворенное эго.

— Почему ты не отвечаешь на звонки? Моя карта заблокирована, счета фирмы

«заморожены» на время твоего больничного... Дёма, это не смешно! У меня

запись в спа-салон и неоплаченный счет за ювелирку, которую ты сам же и

выбрал!

Я смотрел на неё сверху вниз. Вблизи она казалась мне пластмассовой куклой.

Красивой, дорогой, но совершенно пустой. В её взгляде я искал хоть каплю

искреннего беспокойства за человека, который едва не погиб две недели назад,

но видел только цифры и капризы.

— Здравствуй, Лера, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал максимально сухо.

— «Здравствуй»? И это всё? — Она всплеснула руками, сверкнув камнями на кольцах.

— Две недели игнора, а потом просто «здравствуй»? Ты хоть представляешь, через

что мне пришлось пройти? Олеся на меня смотрит как на прокаженную, в офисе

шепчутся... Я принесла документы. Якобы по делу «Восток-Инвест». Нам нужно

поговорить. Наедине.

Она сделала шаг вперед, пытаясь сократить дистанцию, и протянула руку, чтобы

коснуться моей щеки. Её пальцы пахли табаком и чем-то приторным. Я

инстинктивно отпрянул.

— Не здесь, Лера. И не сейчас.

— Что с тобой? — Её глаза сузились, превратившись в две щелочки. — Амнезия

ударила не только по памяти, но и по мужским инстинктам? Ты две недели

назад клялся, что не можешь дождаться, когда этот «фарфоровый цирк»

закончится. А теперь стоишь тут, в этом склепе, и смотришь на меня как

на незнакомку.

— Возможно, потому что я и есть незнакомец для той жизни, которую вёл Демьян до

аварии, — ответил я, и это была чистая правда. — Я не

помню наших «клятв». И,

честно говоря, не горю желанием их вспоминать.

Лера замерла. Её лицо на секунду исказилось, маска светской львицы треснула,

обнажив хищный оскал.

— Ах, вот оно что... Решил поиграть в добропорядочного семьянина? Потянуло на

домашние блинчики Олеси? Дёма, не смей меня. Ты ненавидишь этот дом. Ты

презираешь эту женщину. Она для тебя — балласт. Ты сам говорил, что Макар —

это единственная причина, по которой ты еще не подал заявление.

При упоминании Макара у меня внутри всё заledenело. Я вспомнил теплую ладонь

мальчика в своей руке и ту искреннюю радость в его глазах. Эта женщина не

имела права даже произносить его имя своими накрашенными губами.

— Уходи, Лера, — сказал я тихо, но так, что она невольно сделала шаг назад.

— Что ты сказал? — Она не верила своим ушам.

— Уходи. Прямо сейчас. Я не буду обсуждать с тобой ни счета, ни ювелирку, ни мои

отношения с женой. Всё, что было между нами — если оно вообще было — осталось

там, на трассе М-11.

— Ты... ты пожалеешь об этом, Самойлов! — Её голос сорвался на визг. — Я знаю

слишком много! Ты не можешь просто так вышвырнуть меня! Я — часть твоей

империи!

В этот момент в дверях гостиной появилась Олеся. Она была в простом рабочем

халате, испачканном в краске, волосы убраны в небрежный узел. Она выглядела

настоящей. Живой. И на контрасте с Лерой — бесконечно достойной.

— Что здесь происходит? — Олеся посмотрела на нас, и

в её взгляде не было

страха. Только усталость и брезгливость.

— Твой муж решил, что у него святая амнезия, Олеська!

— выплюнула Лера,

разворачиваясь к ней. — Думает, что может просто забыть всё, что

обещал!

— Демьян? — Олеся перевела взгляд на меня.

Я подошел к жене и встал рядом. Не коснулся её, но обозначил границы.

— Лера уже уходит, — сказал я, глядя в упор на любовницу брата. — Она принесла

документы, которые мне сейчас не интересны. Галина Петровна! Проводите гостью.

Лера стояла, тяжело дыша. Её грудь вздымалась под шелковой блузкой. Она

переводила взгляд с меня на Олесю, и в этом треугольнике она вдруг

оказалась лишней. Абсолютно чужой.

— Это еще не конец, — прошипела она. — Ты еще при-

ползешь, Дёма. Когда поймешь,

что твоя «правильная жизнь» — это клетка.

Она резко развернулась и зашагала к выходу. Я видел, как она на ходу выхватила

свое пальто из рук экономки. Весь её пафос рассыпался, как дешевая бижутерия.

Я почувствовал, как в горле пересохло. Мне нужно было закрепить победу,

показать, что я контролирую ситуацию. На журнальном столике стояла чашка

чая, которую мне принесла Галина Петровна пару минут назад.

Я протянул руку и взял чашку. Я сделал это на автомате, не задумываясь. Сжал

тонкую ручку пальцами, поднес к губам и сделал глоток, глядя вслед уходящей

Лере.

Лера уже была у самой двери, когда внезапно обернулась. Она хотела бросить

какое-то последнее колкое слово, но её взгляд зацепился за мою руку.

Она замерла. Её зрачки расширились. Она смотрела на то, как я держу чашку.

Я — левша. Всю жизнь. И сейчас я держал чашку левой рукой, совершенно забыв, что

Демьян был правой до мозга костей. Он даже ручку в суде держал с каким-то

особым изяществом правой ладони.

Пауза затянулась. Воздух в холле стал густым, как сироп. Лера медленно перевела взгляд на моё лицо. В её глазах промелькнуло не просто

подозрение — там вспыхнуло озарение. Хищник почуял след. Она не сказала ни

слова. Просто медленно, очень медленно кивнула самой себе, развернулась и

вышла из дома, захлопнув за собой дверь так, что в гостиной звякнули

подвески на люстре.

Я поставил чашку на стол. Моя рука дрогнула.

— Демьян? — голос Олеси прозвучал совсем рядом. — Ты в порядке? Ты весь

побледнел.

— Голова... — соврал я, прижимая ладонь к виску. — Шрам тянет. Наверное, к дождю.

Олеся подошла ближе. Она смотрела на меня странным, изучающим взглядом. Она тоже

видела эту чашку? Или она видела нечто большее?

— Ты выставил её, — тихо сказала она. — Ты действительно её выставил.

— Она здесь лишняя, — ответил я, глядя в её светлые глаза. — В этом доме. В моей

жизни.

— Твоя жизнь... — она горько усмехнулась. — Ты сам её такой сделал, Демьян. И я не

знаю, хватит ли у тебя сил её переделать.

Она развернулась и ушла к себе в мастерскую, оставив меня один на один с

тиканьем напольных часов.

Я сел обратно на диван и посмотрел на свою левую руку. Кожа на ладони горела.

Ловушка захлопнулась. Лера — не Олеся. Она не будет искать оправданий моей

«новой личности». Она начнет копать. Она будет искать доказательства.

За окном небо внезапно потемнело, и по стеклу ударили первые тяжелые капли

дождя. Апрель продолжал свою игру.

Я закрыл глаза. Данила Самойлов, ты только что совершил ошибку, которая может

стоять тебе всего. Но, глядя на закрытую дверь мастерской Олеси, я понимал: я

бы сделал это снова. Потому что тот взгляд, которым она посмотрела на меня,

когда я выставил Леру... этот взгляд стоил того, чтобы сгореть дотла.

А Лера... Хищница ушла, но она не сдалась. Она просто пошла за подкреплением. И я

должен был быть готов к тому моменту, когда она вернется, чтобы сорвать с меня

эту маску раз и навсегда.

Тишина дома снова стала тяжелой, но теперь в ней слышалось не дыхание смерти, а

приближение настоящей грозы. Грозы, которая смывает всё — и ложь, и правду,

оставляя только голые чувства на руинах нашего общего прошлого.

Глава 10

Глава 10. Олеся. «Утренний кофе без горечи»

Дом Самойловых всегда жил по невидимому, но жесткому расписанию швейцарских

часов, заведенных твердой, безжалостной рукой. Утро в нашем особняке

никогда не начиналось с мягкого шороха листвы за окном или далекого пения

птиц. Оно начиналось с резкого, требовательного гула кофемашины на кухне, сухих,

отрывистых приказов Демьяна экономке и того особенно-го, давящего напряжения,

которое сгушалось в воздухе еще до того, как муж спускался со второго этажа.

Я привыкла просыпаться с холодным комом в горле, заранее просчитывая, в каком

настроении сегодня выйдет из спальни мой личный цен-

зор.

Но это утро в конце апреля было другим.

Я открыла глаза и несколько минут просто лежала, глядя на полосы теплого

весеннего солнца, пробивающиеся сквозь шелковые шторы. В комнате было

тихо. Но эта тишина больше не казалась мне звенящим безвоздушным

пространством перед взрывом. Она была мягкой, обволакивающей,

пахнувшей свежестью умытого ночным дождем сада и... едой.

Обычно в нашем доме пахло только дорогим парфюмом, полиролем для итальянской

мебели и стерильной чистотой. Но сейчас со стороны кухни доносился густой,

ошеломляюще уютный аромат жареного бекона, тостов и сливочного масла. Так

пахло в моем далеком детстве, когда отец по воскресе-

ням вставал раньше

всех, чтобы приготовить для нас завтрак.

Я накинула шелковый халат, перевязала пояс и медленно спустилась по винтовой

лестнице. На последней ступеньке я невольно замерла.

Демьян — я всё еще заставляла себя мысленно называть его этим именем, хотя

каждая клеточка моего существа уже кричала об обратном — стоял у кухонного

острова. На нем были простые серые спортивные брюки и футболка, которая сидела

на нем иначе, чем раньше. Лопатки казались шире, плечи — массивнее, а сама

фигура утратила ту холеную, слегка изнеженную осанку, которой так гордился

мой муж. Он выглядел непривычно большим и каким-то домашним.

Он не заметил моего появления. Я замороженно наблюдала, как он аккуратно, почти

робко переворачивает гренки на широкой сковороде. Его движения были лишены

привычной Демьяну резкости. Он действовал сосредоточенно, медленно, словно

решал сложную геометрическую задачу.

— Мам! Смотри! — Макар подпрыгнул на своем стуле, его глаза сияли так ярко, как

я не видела уже очень давно. — Папа сам приготовил завтрак! Настоящий! С

корочкой!

Я прошла к столу, чувствуя себя гостьей в собственном доме. Изменник, которого я

застукала в нашей спальне с лучшей подругой две недели назад, сейчас стоял у

плиты и жарил гренки для нашего сына. Это казалось безумием. Абсурдом. Но

когда этот мужчина повернулся ко мне, на его лице промелькнула такая робкая,

виноватая улыбка, что весь мой накопленный гнев на секунду просто растворился в

теплом воздухе кухни.

— Доброе утро, Олеся, — негромко произнес он. Его голос всё еще оставался

хриплым, глубоким после травмы гортани, но в нем появилось новое

звучание. Спокойное. Без той вечной, вибрирующей иронии, которая раньше

резала мне слух. — Я... решил, что Галина Петровна может сегодня отдохнуть. Врач

сказал, мне нужно больше двигаться, разрабатывать руки. Вот, практикуюсь.

Он поставил передо мной тарелку. Яичница с беконом и золотистыми тостами

выглядела просто и невероятно аппетитно. Я взяла вилку, чувствуя, как

мелко дрожат мои пальцы.

Демьян презирал «простую пищу». Он требовал от Галины Петровны ресторанной

подачи, кривился, если соус был недостаточно изысканным, и за завтраком

никогда не смотрел на нас — только в экран своего смартфона, проверяя

котировки и судебные архивы. Этот человек положил телефон на край стола

экраном вниз. Он сел напротив, подождал, пока я сделаю первый глоток чая, и

только после этого принялся за еду.

— Пап, а ты знал, что если в коде контроллера изменить шаг цикла, то робот будет

поворачивать плавнее? — Макар подался вперед, размахивая вилкой. — Я вчера

попробовал, и он больше не бьется об углы в коридоре!

Я внутренне сжалась по привычке. Сейчас Демьян скажет: «Не разговаривай с

набитым ртом» или «Твои железки — пустая трата времени, лучше бы подтянул

английский». Но мужчина напротив меня отложил нож, посмотрел на сына и серьезно,

без тени притворства, кивнул:

— Это правильное решение, Макар. Ты уменьшил инерцию за счет дробления шага. В

механике это называется плавным позиционированием. Если хочешь, вечером мы

можем настроить датчики обратной связи, чтобы он сам рассчитывал расстояние

до стены.

Макар замер с открытым ртом. Его вилка так и зависла в воздухе. Он смотрел на

отца так, словно тот только что заговорил на языке древних цивилизаций.

— Ты... ты pomoжешь мне настроить датчики? — прошептал сын. — Но ты же всегда

говорил, что это глупости...

— Люди иногда говорят глупости, Макар, — мужчина мягко улыбнулся, и в уголках

его серых глаз собрались лучики морщинок. — До тех пор, пока не поймут, что

действительно важно. Ешь, остынет.

Я сидела, не в силах сделать больше ни одного глотка. Внутри меня всё кричало от

диссонанса. Голос крови. Макар тянулся к нему инстинктивно, без всяких сомнений.

Мальчик чувствовал то, чего не могла объяснить моя холодная, раненая измена

Демьяна логика. Этот человек был чужаком. Он спал в гостевой комнате на

первом этаже, ходил с тростью, путал расположение комнат.

Но он был отцом моего сына. Настоящим. Не тем, кто записан в свидетельстве о

рождении, а тем, кто сейчас бережно стирал каплю желтка с подбородка Макара

обычной бумажной салфеткой.

Когда школьный автобус просигналил у ворот, Макар быстро схватил рюкзак, чмокнул

меня в щеку и подбежал к Даниле.

— Пока, пап! Вечером настроим датчики!

— Обязательно, боец. Удачи в школе.

Дверь захлопнулась, и на кухне воцарилась тишина. Но эта тишина больше не душила

меня. Она была чистой, умытой солнцем.

Я отставила чашку и посмотрела на мужчину напротив. Он молча собирал тарелки,

чтобы составить их в раковину. Сам. Демьян никогда в жизни не прикасался к

грязной посуде, считая это обязанностью прислуги.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я тихо.

Он остановился, держа в руках тарелки, и медленно повернулся ко мне.

— Что именно, Олеся?

— Всё это. Завтраки, разговоры с Макаром о контроллерах, тишина в доме... Демьян

никогда не был таким. Ты пытаешься загладить вину за Леру? Думаешь, я прощу

тебя, если ты станешь идеальным отцом?

Он поставил посуду в раковину, вытер руки полотенцем и подошел к столу. Сел

напротив меня. Его лицо было серьезным, а взгляд — таким глубоким и

честным, что мне стало трудно дышать. У Демьяна всегда был скользкий,

ускользающий взгляд успешного адвоката. Этот мужчина смотрел прямо в душу.

— Я не прошу у тебя прощения, Олеся, — тихо произнес он, и его хриплый голос

отозвался дрожью у меня под кожей. — Я знаю, что то, что сделал Демьян... то,

что произошло в вашей спальне, нельзя простить завтраком или добрым словом. Я

просто хочу, чтобы в этом доме наконец-то можно было дышать. Тебе. Макару. И...

мне. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на фальшивые фарфоровые праздники

и ложь.

«Чтобы можно было дышать». Эти слова пронзили меня насквозь. Двадцать лет я жила

в этом доме как под стеклянным колпаком, боясь сделать лишний вдох, чтобы не

нарушить безупречную картинку Демьяна. И теперь этот человек — изменник,

предатель — говорил мне о свободе.

Я посмотрела на его руки, лежащие на столешнице. Крупные, с широкими суставами,

ссадинами на костяшках и старым, побелевшим шрамом на ладони.

Обручального кольца на его пальце не было. На его месте осталась лишь едва

заметная, бледная полоска кожи.

— Где твоё кольцо, Демьян? — спросила я, и мой голос дрогнул.

Он мельком взглянул на свою руку, и я заметила, как напряглись его плечи под

серой футболкой.

— Оно стало велико, Олеся. После больницы я сильно похудел. Оно соскальзывает с

пальца. Я положил его в ящик комода в гостевой спальне. Я знала, что он лжет. Кольцо Демьяна было сделано по спецзаказу, оно плотно

сидело на его холеном, тонком пальце. А у этого человека руки были другими.

Рабочими. Руками мужчины, который привык держать инструменты, а не только ручку

в зале суда.

Я медленно протянула свою руку и коснулась его ладони. Мои пальцы прошлись по

его шершавой коже, задевая шрам. Данила вздрогнул, но руку не убрал. Его

пальцы слегка сжались, отвечая на моё прикосновение, и между нашими

ладонями словно пробежал слабый, но отчетливый электрический разряд. Это

было пугающе и сладко одновременно. Физиология моего тела предавала меня: я

чувствовала влечение к человеку, которого должна была презирать.

— У тебя другие руки, — прошептала я, глядя на наши соединенные пальцы. — Другой

запах. Другой взгляд.

— Авария меняет людей, Олеся, — тихо ответил он, и его пальцы сильнее сжали мою

ладонь. — Иногда она стирает старую, гнилую разметку, чтобы на её месте можно

было построить новый, прочный мост.

Я медленно забрала свою руку, чувствуя, как кожа на ладони продолжает гореть от

его прикосновения.

Я должна была испугаться. В моем доме, под именем моего мужа, жил самозванец. Я

чувствовала это каждой порой своего тела. Но правда заключалась в том, что этот

самозванец был мне ближе, понятнее и дороже, чем Демьян Самойлов за все двадцать

лет нашего брака.

— Завтра приедет Андрей Борисович, — я встала из-за стола, стараясь вернуть

голосу деловой тон. — Нужно будет подписать документы по реорганизации

компании.

— Я буду готов, — он поднялся вслед за мной, и его высокая, мощная фигура на

секунду заслонила солнце, льющее из окна.

Я вышла из кухни, чувствуя, как внутри меня начинает медленно таять ледяная

броня, которую я так тщательно выстраивала, чтобы пережить развод. Это была

ловушка. Самая прекрасная и опасная ловушка в моей

жизни. Но в это теплое

апрельское утро, под запах домашней выпечки и утреннего кофе без горечи,

мне меньше всего на свете хотелось искать из неё выход.

Глава 11

Если дом Демьяна был музеем холодного оружия, то его офис в «Москва-Сити»

напоминал отсек футуристического корабля — избыточно технологичный,

пугающе прозрачный и абсолютно безжизненный. Стекло и полированный

алюминий. Башня «Федерация» впивалась в серое апрельское небо, а я стоял

в скоростном лифте, чувствуя, как давление закладывает уши.

Костюм-тройка, сшитый на заказ в Лондоне, казался мне рыцарским доспехом,

который велик в плечах и жмет в груди. Я привык к весу монтажного пояса,

к грубой ткани спецовки, которая пахнет ветром и честным металлом. Здесь же всё

пахло стерильностью и очень большими деньгами.

Лифт звякнул. Двери разошлись.

— Доброе утро, Демьян Николаевич! С возвращением! — Секретарша на ресепшене,

эффектная женщина с глазами, в которых не было ничего, кроме заученной

вежливости, вскочила при моем появлении.

Я коротко кивнул, пряча глаза за темными очками. Мой единственный щит.

— Кофе, как обычно? — спросила она, уже занеся палец над кнопкой дорогой

кофемашины.

— Воды, — хрипло бросил я. — И чтобы меня никто не беспокоил ближайший час.

Никаких звонков.

— Но у вас через пятнадцать минут совещание с акционерами «Град-Девелопмент»... —

Она моргнула, явно удивленная моим тоном. Демьян, судя по всему, никогда не

пропускал совещания, считая их своим личным полем боя.

— Перенеси. Сошлись на моё состояние после аварии. Я не в форме для дебатов.

Я вошел в кабинет. Массивная дверь отсекала звуки офиса. Здесь пахло так же, как

в его домашнем кабинете — кожей и дорогим табаком, но с примесью озона от

работающей техники. Я сел в кресло и на секунду закрыл глаза.

Передо мной лежал огромный монитор. Для инженера-мостостроителя юридическая

реальность Демьяна выглядела как попытка построить мост из тумана и лжи.

Никакого сопромата — только пункты, подпункты и капканы.

Я открыл защищенный ноутбук. Пароль... Я ввел «1204». Дата свадьбы с Олесей.

Сработало. Брат был слишком уверен в своей неприкосновенности.

В папке под названием «Резерв» я нашел то, от чего у ме-

ня похолодели пальцы.

Демьян не просто работал — он выстраивал систему уничтожения. Белизские

офшоры, фиктивные долги, которые он вешал на семейные активы. К нашему

юбилею — к двенадцатому апреля — Олеся юридически должна была стать нищей.

Дом уже не принадлежал ей. Багетная мастерская была заложена.

— Тварь, — прошептал я, глядя на цифры.

Он готовил для неё и Макара социальную казнь. Он хотел вышвырнуть их на улицу,

оставив себе всё.

В дверь коротко постучали. Вошла Светлана, его старшая помощница — женщина с

лицом акулы и взглядом, который, казалось, просвечивал насквозь.

— Демьян Николаевич, — она остановилась у стола. — Вы сегодня... другой. Свет в

кабинете не включили, совещание отменили.

— Голова, Светлана. Последствия контузии.

— Понимаю. — Она положила на стол папку. — Здесь счета за ремонт квартиры в

Хамовниках. Лера требует оплатить их сегодня. Говорит, это был ваш подарок.

И еще... она очень недовольна, что вы не отвечаете.

Я посмотрел на папку, как на грязное белье.

— Подготовь документы на закрытие этого счета, — сказал я, стараясь, чтобы голос

не дрогнул. — Лера больше не имеет доступа к моим финансам.

Светлана замерла. В её глазах на мгновение промелькнуло нечто, похожее на шок.

— Но... вы уверены? Вы же знаете Леру. Она не уйдет тихо.

— Пусть уходит как хочет. Свободна.

Когда она вышла, я почувствовал, как по спине пополз холодный пот. Каждая минута

в этой роли стоила мне литра крови.

Я встал и подошел к окну. Москва кипела внизу. Я вспомнил Елец. Наше детство.

Как мы делили одну конфету на двоих. Когда Демьян стал таким? Когда он

превратился в этого хищника в кашемировом пальто?

Мой взгляд упал на сейф, встроенный в стену за спинкой кресла. Маленькая

стальная дверца, скрытая за фальш-панелью. Я набрал тот же код. 1204.

Сейф открылся с мягким шелестом. Внутри не было золота. Там лежал всего один

плотный конверт из крафтовой бумаги с логотипом клиники репродуктивного

здоровья «Генезис».

На конверте рукой Демьяна было выведено: «УНИЧТОЖИТЬ. 12.04».

Дата их юбилея. Он хотел уничтожить это в день двадцатилетия свадьбы.

Я вытащил содержимое. Пальцы мелко дрожали, когда я разворачивал листы. Это были

результаты медицинских тестов десятилетней давности. Дата... за два месяца до

того, как Олеся забеременела Макаром.

Я вчитывался в сухие термины, и реальность вокруг меня начала плавиться.

«Самойлов Д.Н. Заключение: азооспермия. Абсолютное бесплодие. Шанс зачатия: 0%».

Ниже была прикреплена копия анкеты донора. Номер донора: 48.

Я почувствовал, как мир накренился. Номер 48.

Я вспомнил тот день. Десять лет назад. Я приехал в Москву к брату. Нам нужны

были деньги. Демьян привел меня в ту самую клинику «Генезис». Сказал, что

это легкий способ заработать студентам. Мы сдали материал вместе. Моя анкета

была под номером сорок восемь.

Я судорожно перевернул страницу. В самом низу был приколот клочок бумаги — тест

ДНК, сделанный Демьяном тайно три года назад.

Я смотрел на результат, и мое сердце, казалось, остановилось.

Вероятность отцовства между Самойловым Д.Н. и Самой-

ловым М.Д. — 0%. Вероятность

родства между Макаром и донором №48...

В этот момент в приемной раздался громкий женский крик. Дверь моего кабинета

распахнулась от удара о стену. На пороге стояла Лера. Её лицо было

перекошено от ярости, а в руках она сжимала какой-то документ.

— Ты думал, что можешь просто так меня вычеркнуть, Дёмочка?! — завизжала она. —

Ты думал, я не найду способ тебя прижать?! Посмотри на это!

Я быстро захлопнул папку, но не успел убрать её в сейф. Лера уже летела ко мне

через кабинет, и её взгляд упал на конверт с логотипом «Генезиса».

— О... — она замерла, и на её губах появилась змеиная улыбка. — Так ты всё-таки

достал его? Решил уничтожить правду перед своим фальшивым праздником? Только

ты опоздал, дорогой. У меня есть копия.

Я медленно поднялся из-за стола, чувствуя, как внутри меня рождается нечто

первобытное и страшное.

— Уходи, Лера, — сказал я голосом, который испугал бы даже мертвого.

— Не уйду! — Она ударила ладонями по столу. — Теперь мы будем играть по моим

правилам!

Она замолчала, глядя мне прямо в глаза. И в этот момент я понял: она не знает,

что я — Данила. Она думает, что шантажирует Демьяна.

— Если она узнает, — прошептал я, подаваясь вперед. — То что?

— То ты потеряешь всё! — торжествующе выкрикнула она. — А теперь слушай меня

внимательно, Самойлов...

В моем кармане завибрировал телефон. Сообщение от Олеси. Я мельком глянул на

экран: «Данила... то есть, Демьян. Я в твоей мастерской.

Я нашла твое кольцо.

И не только его. Нам нужно поговорить немедленно».

Я посмотрел на Леру, потом на конверт в своих руках.

— Пошла вон, — сказал я ей

Интрига затянулась в мертвую петлю. И я не знал, кто из нас задохнется первым.

Глава 12

Стекло панорамного окна в кабинете Демьяна было холодным, как лед в Салехарде,

но оно не могло остудить жар, полыхающий у меня под кожей. Я смотрел на Москву

с высоты птичьего полета, и город казался мне огромным муравейником, построенным

на костях и лжи.

В моей руке был зажат лист из клиники «Генезис». Номер 48. Мой номер. Моя кровь.

Десять лет я жил в вечной мерзлоте, строил мосты через ледяные реки, спал в

вагончиках и думал, что я — последний в своем роду. Одиноким волк, у

которого нет ничего, кроме честного имени и мозолей на руках. А в это

время здесь, в Москве, рос мой сын. Мой Макар. Мальчик с моими глазами и

моими пальцами, которого другой человек — мой собственный брат — называл

своим проектом.

Демьян не просто украл моё лицо. Он украл моё будущее. Он взял моё семя, как

берут запчасть на складе, и встроил его в свой безупречный механизм жизни.

— Гад... — прохрипел я, и мой голос ударился о звуко- непроницаемые стены кабинета.

Я вспомнил, как Макар сегодня утром смотрел на меня. С надеждой. С обожанием. Он

тянулся ко мне не потому, что я был «успешным адвокатом Самойловым». Он тянулся

к зову крови. Он чувствовал правду, которую мы, взрослые подонки, упаковали в

юридические папки и заперли в сейфах.

Дверь кабинета всё еще вибрировала после того, как Лера Исаева вылетела отсюда,

оставив после себя запах серы и дорогой парфюмерии. Её

угрозы всё ещё звенели в

ушах. Она думала, что держит меня за горло. Она думала, что шантажирует Демьяна

его п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.